Международная Объединенная Академия Наук

**Научный диалог:
Вопросы философии, социологии,
истории, политологии**

Сборник научных трудов

**по материалам
XIV международной научной конференции**

01 октября 2018 г.

LJOURNAL.RU

Санкт-Петербург 2018

УДК 001.1
ББК 60

Н34

Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии. Сборник научных трудов, по материалам XIV международной научно-практической конференции 1 октября 2018 г. Изд. ЦНК МОАН, 2018. - 40с.

SPLN 001-000001-0332-FF
DOI 10.18411/spc-01-10-2018
IDSP 000001:spc-01-10-2018

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на XIV международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МОАН. Сайт центра: conf.sciencepublic.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0332-FF

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ 4

Везломцев В.Е. Коррупционные проявления в средневековом обществе: светский и религиозный аспекты..... 4

Гриценко Г.Д. Человеческий капитал в контексте социально-трудовых отношений: общее и особенное 7

Смирнов М.В. Проблема отчуждения в марксизме: абсолютизация труда и закон стоимости 9

Токарев Д.А. Атрибутивность гедонистического варианта страдания 13

Устименко Д.Л. Проблема когнитивности в современном информационном контексте: феноменологический ракурс 16

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ..... 19

Мальчук О.И. Мероприятия по обороне Приамурского края в начале 20 в. 19

Ползикова Т.А. Опыт формирования общественного мнения по вопросам Второй Индокитайской войны (1965-1973 гг.): по материалам Курской областной организации общества «Знание»..... 22

РАЗДЕЛ III. ПОЛИТОЛОГИЯ..... 30

Зыков А.А. Реализация политики трансграничного сотрудничества на Дальнем Востоке России..... 30

Крутько А.А. Сравнительный анализ внешнеполитических подходов США и России к современному миропорядку..... 32

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ

Везломцев В.Е.

Коррупционные проявления в средневековом обществе: светский и религиозный аспекты

Академия ФСИН России
(Россия, Рязань)

doi:10.18411/spc-01-10-2018-01

idsp: 000001:spc-01-10-2018-01

Аннотация

В статье рассматриваются особенности коррупционных проявлений в средневековой Европе, как в религиозном плане, так и в светском. При анализе коррупционных проявлений в религиозном плане затрагиваются «Орден Храма», индульгенции, инквизиция. В светском плане в статье речь идет о средневековой политической и административной коррупции.

Ключевые слова: Средневековая коррупция в католицизме, светская средневековая коррупция, средневековое общество, коррупция Орден храма, индульгенции, инквизиция, политическая коррупция, административная коррупция.

Abstract

The article deals with the features of corruption manifestations in medieval Europe, both in religious and secular terms. When analyzing corruption manifestations in religious terms, the Order of the Temple, indulgences, and the Inquisition are touched upon. In secular terms, the article deals with medieval political and administrative corruption.

Key words: corruption of Medieval Catholicism, secular medieval corruption of the medieval society, corruption is the Order of the Church, indulgences, the Inquisition, political corruption, administrative corruption.

Коррупция является постоянным объектом рассмотрения и исследования в разных отраслях научных знаний. Ее изучение является актуальным для современного мирового сообщества, но, так как данный социальный недуг возник не сегодня, то и интерес к нему существует на протяжении всей истории человечества, в том числе и в средние века. Цель данной статьи проанализировать специфику коррупции в Средневековье и ее корреляцию с современными коррупционными проявлениями.

В Средние века термин «коррупция» понимается в религиозном плане – как дьявольский соблазн. В рассматриваемую эпоху завершалась инициированная отцами церкви и инквизиции борьба латинского языка с его греческими истоками, следствием чего явилась замена термина «катализ» (от греч. *katalysis* – разрушение, разложение, уничтожение) на латинский термин «коррупция». Этот термин означал брэнность человека, подверженность разрушению, но не его способность брать и давать взятки. Коррупция в богословии католицизма стала проявлением греховности. После первородного грехопадения коррумпированной, то есть растленной и греховной, оказалась природа, в которой рождаются и живут люди. Наследственная греховная порча обычно рассматривалась как первопричина всех грехов (Блаженный Августин, Фома Аквинский).

Таким образом, масштабы распространения коррупции в эпоху Средневековья должны были быть резко ограничены господством мировой религии — католицизмом. Однако, напротив, сама католическая церковь преуспела в насаждении коррупции в

массовое сознание, например, посредством легальной практики покупки церковных санов, продажи индульгенций и т.д. [2, р. 28]

Религия и вера доминировали практически во всех аспектах жизни в средние века. Однако влияние Церкви сильно было подорвано в более позднюю часть данного периода. Многие историки считают, что средневековые церкви были своего рода «памятниками коррупции». Этот взгляд часто используется для объяснения упадка Церкви и успеха Реформации Мартина Лютера. В это время «возрастающая враждебность мирян к церковному богатству и упадку подорвала папский авторитет». [1, р. 24]

Высказывалось мнение: «omne malum a clero» – каждое зло исходит от духовенства. Духовенство – церковные чиновники, которые состояли из двух классов. Первый класс, монахи и монахини, жили в соответствии в общепризнанным религиозным правилом и оставались в стороне от светской жизни. Второй класс духовенства включает в себя священников, епископов и архиереев, которым позволялось совершать таинства и религиозные богослужения. Сложно однозначно сказать, какой из двух классов больше погряз в коррупции, есть документация, подтверждающая участие в коррупции их обоих. В 1245 году на Лионском соборе папа Иннокентий IV назвал грехи высшего и низшего духовенства «одной из пяти ран в теле Церкви», а на втором Лионском соборе в 1274 году Григорий X заявил, что «нечестие многих прелатов было причиной разорения всего мира»! Возможно, это связано с увеличением значения духовенства после установления канонического закона и освобождения их от какой-либо светской юрисдикции. Священнослужители были выше закона, что естественно способствовало клерикальной коррупции [3, р. 221].

Коррупция, связанная со средневековой церковью, еще больше проявляется в ее поддержке «ордена храма». «Орден Храма» был своего рода религиозным орденом, который был основан в начале XII века во время крестовых походов, чтобы защитить крестоносцев от бандитов, пока они путешествовали в Святую Землю. Братья этого ордена, именуемые Тамплиерами, охраняли христианскую территорию, жили как монахи, претендуя на бедность и следуя строгим принципам ношения одежды. Однако в начале XIV века братья «ордена храма» были объявлены вне закона папой Римским и Францией за такие преступления, как идолопоклонство, гомосексуализм и мошенничество. Некоторые авторы обвиняют тамплиеров, в том, что они богатели за счет грабежей, поощряли гомосексуальные отношения между братьями, и не осуществляли благотворительных пожертвований как этого требовали религиозные правила. Эти мошенники, которые казались «храбрыми рыцарями Христа», получали выплаты от священнослужителей и получали законные привилегии от папского престола. Средневековая церковь непосредственно поддерживала эту коррумпированную организацию [6, р. 35].

Нельзя сбрасывать со счетов и того, что в средние века религия быстро материализовалась. Благочестивые интересы довольно часто были сосредоточены на аспектах материального плана, главным образом индульгенциях. Индульгенции – в католической церкви освобождение от временного наказания (кары) за грехи, в которых грешник уже покаяться и вина за которые уже прощена в таинстве исповеди, в частности разрешение от наложенной Церковью епитимьи. Эти индульгенции начались после первого крестового похода и были прибыльным источником дохода для Церкви. Торговля людьми стала практикой, которая использовалась профессиональными «помилователями», которые продавали индульгенции в широких масштабах. Жажда духовенства наличных денег, несомненно, была движущей силой коррупции в средние века [8, р. 18].

Другой пример, о котором часто упоминают, анализируя коррупционные проявления в средние века – это средневековая инквизиция. Средневековая инквизиция знаменует собой период Средневековья, когда папство было одержимо борьбой с

еретиками. Еретиком считался любой человек, который отрицал или сомневался в учении Католической Церкви. Эта борьба ересью достигла своего пика в 1180-х годах, так как инквизиции было на законодательном уровне разрешено расследовать интересующие их преступления против церкви в своих епархиях, а не полагаться на обвинения, выдвинутые информаторами или обвинителями [7, р. 35].

Конечно, в Средние века как мы видим было много злоупотреблений со стороны церкви, но также было много положительных моментов в ее деятельности. К сожалению, эти достижения были отягощены упадком истинного благочестия и широко распространенным пренебрежением своего долга среди высшего и низшего духовенства.

Кроме коррупционных проявлений связанных с католической церковью, имела огромные масштабы политическая и административная коррупция.

Но, необходимо принимать во внимание, что, в средние века отношение к получению должностными лицами выгоды от своего служебного положения было иным, чем в современном социуме, где уголовные законы, административные регламенты и этические кодексы разрешают должностным лицам принимать лишь подарки символической ценности, чаще всего рекомендуя и вовсе воздерживаться от их получения. В афористической форме средневековое отношение к дарам для должностных лиц было выражено Иоанном Солсберий в сочинении «Polycraticus», который в свою очередь процитировал римского юриста Ульпиана: «Полностью отказываться от подарков проконсул, конечно, не должен, но в этом случае следует соблюдать меру, чтобы, с одной стороны, не проявлять мелочности, отвергая все, а с другой – не впадать в жадность, теряя чувство меры при приеме подарков. Божественный Север и император Антонин в своем письме разъяснили этот вопрос. Вот дословно, что там написано: «Не все, не всегда, не от всех. Ибо не принимать ни от кого – неучтивость, но брать всюду – неприличие, а брать все подряд – ненасытность» [9, с. 97]. Приведенная правовая норма, которая, безусловно, была и этическим императивом, во-первых, предписывала принимать подношения, ибо таким образом, дарополучатель показывал свое расположение к дарителю; во-вторых, ориентировала на разборчивость и умеренность.

Но не только это может иллюстрировать средневековое отношение к взяткам. В своей работе, посвященной одариванию чиновников в южно-немецких городах позднего средневековья, В. Гребнер пишет, что было различие таких терминов как «Schenken» и «Miet». Оба они означают «подношение», «подарок», но если первое слово имеет нейтральный и даже положительный смысл, то второе – только негативный. Принципиальным моментом здесь является открытость одаривания: «Schenken» делались публично и даже заносились в особые регистры, в то время как «Miet» преподносились тайно и скрытно [4, р. 235].

В средние века присутствовало понимание того, что суд должен быть справедливым, а правосудие не должно быть искажено подношениями, гневом и пристрастием. Так, в X-XI вв. короли Англии грозили штрафами, потерей должности, имущества и жизни тем, кто несправедливо судил за взятки [10, с. 19]. Необходимо акцентировать внимание на то, что порицается не сам факт принятия судьей даров от участников процесса, что считалось вполне нормальным тогда, но является абсолютно противозаконным в наши дни, а вынесение им неправосудного решения под их влиянием. Как писал великий британский историк права Ф.У. Мейтленд: «Никто в средние века не занимался правосудием бесплатно» [5, р. 350]. Право судьи, в том числе даже самого короля, принимать дары от тяжущихся за рассмотрение дела было признано обычаем и законом. И при этом было чрезвычайно сложно не перейти ту грань, которая отделяла подношение от взятки. Таким образом, существовало различие тайных и открытых подношений. Первые осуждались, вторые считались нормой, так как обеспечивали функционирование государственного аппарата.

Осуждались алчность и вымогательство, в время как умеренность в получении подношений считалась желательной формой поведения;

Таким образом, резюмируя выше сказанное можно сделать следующие выводы: в средневековой Европейском обществе главной причиной тех неформальных отношений обмена дарами и услугами, которые мы называем коррупцией, были не столько мотивации должностных лиц светского и религиозного характера, сколько идеалы, ценности и представления, составлявшие культуру всего социума, прежде всего тех, кто зависел от этих должностных лиц.

1. Adam, Karl. The Roots of the Reformation, translated by Cecily Hastings. New York: Canterbury Books, 1951.
2. Binns, L. Elliot. The History of the Decline and fall of the Medieval Papacy. London: Methuen and Company Ltd., 1934.
3. Chamberlain, E. R. The Bad Popes. New York: The Dial Press, 1969.
4. Groebner V. Accountancies and "arcana": registering the gift in late medieval cities // Medieval transformations: Texts, power, and gifts in context / Ed. by E. Cohen and M.B. De Jong. Leiden, 2001.
5. Maitland F.W. Collected papers: in 3 vols. Cambridge, 1911. Vol.2. 496 p.
6. Nicholson, Helen. "Saints or Sinners? The Knights Templar in Medieval Europe," History Today. (December 1994).
7. Van Lieere, Frans. "Was the Medieval Church Corrupt?" Misconceptions About the Middle Ages. Eds. Stephen J. Harris and Bryon L. Grigsby. London: Routledge, 2003.
8. Vodola, Elisabeth. Excommunication in the Middle Ages. Berkeley: University of California Press, 1986.
9. Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. Т.1.
10. Золотарев А.Ю. Судебная коррупция в раннесредневековой Англии // Право в средневековом мире. 2008. Сб. статей / Под ред. И.И. Варьяш и Г.А. Поповой. М., 2008.

Гриценко Г.Д.

**Человеческий капитал в контексте социально-трудовых отношений:
общее и особенное**

*Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН
(Россия, Ставрополь)*

doi:10.18411/spc-01-10-2018-02

ids: 000001:spc-01-10-2018-02

Система социально-трудовых отношений, присущая рыночной экономике, только начинает развиваться в России. Известно, что современный уровень экономического развития связан с понятием постиндустриальный. Одной из характеристик данного технологического этапа является внедрение «умных» сред, в которых создаются условия для освоения более совершенных источников энергии. В частности, уже не только изобретены, но и стали внедряться новые виды атомных реакторов - реакторы на быстрых нейтронах, которые обеспечивают экологически чистую, безопасную и надежную работу атомных электростанций. Кроме того; успешно ведется поиск технологий получения энергии при использовании возобновляемых энергоресурсов, технологий замкнутого цикла, решающих проблему токсичных отходов. В «умных» средах также формируются условия для модернизации способов и возможностей коммуникации, например, применения инновационных систем связи и вариантов их программного обеспечения.

Однако именно здесь образуются риски и угрозы техногенных и экологических катастроф, возникают обусловленные ими масштабные бедствия. Возникновение как позитивных проявлений «умных» сред, так и негативных последствий реализации некоторых из них все в большей и большей степени определяется «человеческим капиталом».

В условиях функционирования «умных» сред формируются иные требования к качеству «человеческого капитала». В связи с технологическими и организационными

новациями многократно ускоряются темпы обновления видов труда в сторону наукоемких, требующих фундаментальной подготовки в области математики и естественных наук. Расширение проектных форм деятельности предполагает развития когнитивных ресурсов личности. Использование временных трудовых коллективов (команд) невозможно без актуализации социально-психологической, коммуникативной составляющей работника. Внедрение форм организации труда, предполагающих работу вне офиса, вне предприятия, требует творческого отношения к труду и постоянного обновления профессионального опыта. Таковы общемировые требования к «человеческому капиталу», роль которых возрастает в условиях усиления конкуренции за доступность средств развития интеллектуальных, творческих ресурсов личности, за право заниматься новыми видами труда.

Формируются данные качества «человеческого капитала» системой образования, но его развитие и эффективное использование осуществляется в рамках системы социально-трудовых отношений. Согласно мировой практике, конкурентоспособность «человеческого капитала» может обеспечиваться разными моделями системы социально-трудовыми отношениями, главное, чтоб они соответствовали культурно-историческим и социально-политическим особенностям развития отдельных стран и цивилизаций. В научной литературе принято выделять четыре основные модели: континентально-европейская, англосаксонская, японская, китайская. В рамках первой модели рациональное использование «человеческого капитала» обеспечивается относительно высоким уровнем правовой защищенности работника и жесткими нормами трудового права. Основными чертами англосаксонской модели, обуславливающими эффективное использование «человеческого капитала», являются определенная развитость трудового и гражданского права, высокая степень дифференциации в оплате труда. Для японской модели характерен принцип пожизненного найма работника, дополненный высоким уровнем развития внутрифирменных систем роста, продвижения и мотивации труда работника, так называемым внутрифирменным патернализмом. В китайской модели весьма важную роль играют психологическая и традиционно философская составляющие отношений между работником и работодателем, выражающиеся в неформальных отношениях найма, принципе личной преданности, психологической зависимости работника от работодателя.

Итак, эффективное использование «человеческого капитала» предполагает создание национальной системы социально-трудовых отношений. Однако в современной России государство так и не выработало эффективной политики в области социально-трудовых отношений, учитывающей культурно-исторические особенности развития российского общества. Формирующаяся модель социально-трудовых отношений в России на сегодняшнем этапе своего развития является эклектичной. В ней прослеживаются черты разных моделей: советской (слабость социального партнерства; недоговорной характер социально-трудовых отношений), китайской (неформальные отношения найма; принцип личной преданности; психологическую зависимость работника), англосаксонской (свободу найма; свободу прекращения трудовой деятельности), европейской (наличие профсоюзов, хотя и не повсеместное). Это приводит к конфликтности социально-трудовых отношений. Наиболее конфликтными элементами современных российских социально-трудовых отношений считаются увольнение, оценка качества труда, препятствия для карьерного роста, низкий уровень оплаты труда.

Объективная неизбежность индустриального технологического развития России, создания условия для притока так называемых «умных» инвестиций и передовых технологий требует обеспечения конкурентоспособности и востребованности «человеческого потенциала». А значит создания национальной системы социально-трудовых отношений с учетом мировой практике, согласно которой приоритетна

политика трудового протекционализма, заключающаяся в защите национального рынка труда. Необходимы реализация в полном объеме принципа трипартизма: государство - работодатель - работник, обеспечивающего социальную защищенность трудящихся; повышение авторитета и роли в социально-трудовой сфере профсоюзов и органов рабочего самоуправления и самоорганизации - советов трудового коллектива; освоение коллективно-договорных технологий, содержащих организацию переобучения и повышения квалификации, стимулирование профессионального интенсивного труда работников и, наконец, введение социальной ответственности бизнеса через осуществление социальных программ для работников предприятий. Именно такая модель системы социально-трудовых отношений и обеспечит эффективное использование «человеческий капитал» в условиях формирования постиндустриальной экономики в России.

1. Кузнецова О.Н. Трансформация социально-трудовых отношений на современных промышленных предприятиях: диссертации на соискание ученой степени канд. социол. наук / О.Н. Кузнецова. – Ставрополь, 2010. – 163 с.
2. Мелоян В.Г., Савина Ю.В. Формы социально-трудовых отношений на региональном рынке труда [Электронный ресурс] / В.Г. Мелоян, Ю.В. Савина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/formy-sotsialno-trudovyh-otnosheniy-na-regionalnom-rynke-truda/>
3. Попова Н.В. Система социально-трудовых отношений в рыночной экономике [Электронный ресурс] / Н.В. Попова // Инженерный вестник Дона. – 2012. – № 4 (Ч. 1). – URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n4p1y2012/1179>
4. Климов Тенденции изменение мира труда в начале XXI века [Электронный ресурс] / Климов // Психология труда, инженерная психология и эргономика. – URL: https://studme.org/1376102528023/psihologiya/tendentsii_izmeneniya_mira_truda_nachale_xxi_veka/

Смирнов М.В.

Проблема отчуждения в марксизме: абсолютизация труда и закон стоимости

*Череповецкий государственный университет
(Россия, Череповец)*

doi:10.18411/spc-01-10-2018-03

idsp: 000001:spc-01-10-2018-03

Аннотация

В статье подвергнута анализу проблема отчуждения в марксизме, сводящаяся к метафизической абсолютизации роли труда в общественных процессах; выделены ее основные слабости как на уровне теории, так и на практике.

Ключевые слова: диалектика, отчуждение, марксизм, идеология, труд, техника, закон стоимости.

Abstract

The article analyzes the problem of alienation in Marxism, which reduces to the metaphysical absolutism of the role of labor in social processes; Its main weaknesses are identified both on the theory level and in practice.

Одной из центральных категорий диалектики является отчуждение, выполняющее функциональную роль в объяснении переходов от стадии к стадии или от состояния к состоянию, связывая их принципом развития и тотальности. Свой широко артикулируемый функционально-онтологический статус отчуждение получило в диалектико-идеалистической системе Гегеля, а широкую антропологизацию приобрело в трудах младогегельянцев, особенно – в ранних трудах К. Маркса. В «Экономико-философских рукописях 1844 года» и «Немецкой идеологии», отчуждение

связывается с общим приматом внешнего предметного мира над индивидом, отчуждении его продукта труда и формирования овеществленного сознания.

В т.н. «зрелом» марксизме, лишенном младогегельянского максимализма, эмоциональная сторона дела уходит из его дискурса. Марксизм начинает говорить о формальном отчуждении, как простой констатации социально-экономического факта, абстракции – та же роль, что и у Гегеля в качестве функции перехода и опосредования. В зрелой социально-экономической теории марксизма мы имеем идею отчуждения относительно всего общественно-необходимого труда – простой маркер «могильщика» в наиболее значимом экономическом анализе падения средней нормы прибыли на капитал.

Однако если К. Маркс прямо и не указывает на конкретику социального отчуждения, то косвенных, опосредованных описаний и объяснений этого феномена в «Капитале» предостаточно – когда он ссылается на бедность и нищету рабочих, ужасные условия труда, разрыв в конъюнктуре доходов и т.д. Возможно, привлекать концепцию отчуждения из «Экономико-философских рукописей 1844 г.» не было необходимости, поскольку там она была проработана достаточно исчерпывающе.

Представления об отчужденном состоянии индивида становятся опосредованы марксистским законом стоимости и соответствующей ему абсолютизацией труда в качестве последней инстанции, определяющей антропологию индивида и становление общественных отношений.

Историко-диалектический дискурс западноевропейской философии исторически разворачивался как теория социальной справедливости, разносторонне и антагонистически обосновываемая с позиций материализма и идеализма, эмансипации и иерархии, эксплуатации и служения. Как заметил отечественный исследователь А. А. Глухов: «Даже если диалектическая процедура кажется наукообразной, это значит всего лишь, что нам нужно мыслить науку как теорию справедливости» [1, С. 21].

Сама логика историко-диалектического нарратива, выстраиваемая либо возле становления самосознания, либо возле становления производительных сил и производственных отношений, диктовала ориентацию в границах противоречивой человеческой деятельности (включающей в себя игровой момент, праздность, потребление) именно на труд. Диалектика демонстрировала, как труд формирует интересы и конфликты, перерастающие в определенные антагонизмы групп людей, желающих увеличения собственной или присвоения чужой производительности. В отличие от игры или праздного состояния, труд вводит в сознание человека представление о развитии, о прогрессе, движение которых реализуется за счет прибавочного и эксплуатируемого труда.

Объективность этого реально переживаемого противоречия дает знать о себе в том, что «производительная сила, общественное состояние и сознание – могут и должны вступить в противоречие друг с другом, ибо разделение труда делает возможным – более того: действительным, – что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов» [2, С. 31].

Исторический материализм утверждает, что историко-диалектическая доминанта труда в социальной жизни индивида дает знать о себе исторически, следствием чего выступают овеществленные человеческие отношения. Вся критическая историко-диалектическая традиция, восходящая к К. Марксу, выстроена по отношению к абсолютизации значения труда, как в отношениях человека с природой, которые первичны, так и в отношениях человека с человеком. Он привлекает это метафизическое убеждение в анализ политической экономии и сопутствующим ей социальным процессам.

Свои историко-диалектические построения К. Маркс выстраивает вокруг закона стоимости, который утверждает максимум труда в качестве определяющей весь

последующий процесс и механизм обмена, сущность потребительской, меновой и впоследствии – прибавочной стоимости.

Вместе с тем, что не раз было замечено последующими комментаторами и критиками марксизма, абсолютизация труда как центрального определяющего меновые отношения звена является несостоятельной, что порождает массу противоречий в самой интерпретацией К. Марксом капиталистического способа производства и, как следствие, акцентов социального отчуждения индивидов.

Дискурс труда в марксизме является явно идеологическим, отрицающим какую-либо первичность помимо труда. Как пишет Л. Дюмон, для него «частная собственность менее реальна чем труд, поскольку является внешним по отношению к человеку» [3, С. 166]. Индивид первичен по отношению к обществу; отношение между человеком и природой труда первично по отношению к отношениям между людьми.

Тот факт, что труд является «человекообразующей» формой деятельности, не говорит о том, что он определяет обмен и производство в «последней инстанции». Были необходимы дедуктивно-метафизические замечания Аристотеля и определяющий его натурализм философии Платона, чтобы в западноевропейской философии закрепилась идея, которую взял на вооружение К. Маркс, о том, что обмен предполагает приравнивание обмениваемых товаров согласно какому-то общему знаменателю. Этим общим оказалась «стоимость». Цепочку дедуктивных заключений К. Маркс выстраивает возле меновой стоимости, опосредуемой уравнением потребительских стоимостей, которые, в свою очередь, восходят к самому феномену стоимости, отражающему факт абстрактного человеческого труда.

Противоречия возникают в тех случаях, когда теория, претендующая на статус науки, открывшей универсальные законы общественной жизни, упускает из виду обмен товаров или продуктов, не вовлеченных в человеческий труд, как, например, даров природы, которые также обладают меновой стоимостью.

Марксистский закон стоимости вступает в противоречие и с самой эмпирической действительностью, поскольку цены производства в ней не соотносятся с затратами рабочего времени на изготовление товара.

Превращение стоимостей в цены производства происходит в результате уравнении норм прибыли и становлении средней нормы прибыли на весь задействованный в общественном производстве капитал. Средняя норма прибыли показывает, что закон стоимости несостоятелен при интерпретации капиталистического производства, поскольку: 1) основную долю в формировании цены продукта и установлении прибыли составляют издержки капитала; 2) эти издержки разнятся в соответствии от состава капитала – переменного или постоянного; 3) колебание цен происходит не возле общего показателя средней нормы прибыли (т.е., якобы, применительно к единой сущности, которая объясняла бы закон стоимости), а возле уровней вложенного в производство капитала и его состава – издержки производства формируют определенный уровень колебания цен, который разительно может отличаться от другого; 4) труд и прибавочная стоимость имеют как количественную, так и качественную сторону, что затрудняет их сведение к одной сущности.

Таким образом, заключает исследователь марксистской политэкономии, экономист Австрийской школы О. Бём-Баверк, «выравнивание прибыли на капитал невозможно, если продукты обмениваются согласно овеществленному в них труду» [4, С. 32]. Это же заставляет усомниться и в статусе «экспроприированной» прибавочной стоимости. Фактически, капиталист в буржуазном рыночном производстве подвергается отчуждению в такой же степени, в рамках своего предприятия, идя на риск и подвергая эксплуатации и износу свое оборудование и материал – средства производства.

В какой степени вообще можно говорить, что статус буржуазии системно подавляет, эксплуатирует и обирает статус рабочего? Не забывает ли К. Маркс, что сами актанты порой артикулируют совсем иные убеждения относительно социально-экономической действительности, которая выше общей логики накопления и присвоения? Для того, чтобы утверждать, что над человеком довлеют определенные абстракции необходимо оперировать определенным пониманием человека, его понятием, которое применительно к такого рода анализу может быть только идеологическим. «В данном случае – пишет Л. Дюмон, – наблюдается инверсия отношений нормативной первичности: отношения между людьми – это реальные отношения, и плохо то, что они не осознаются косвенным путем, через посредников, выраженных в вещах, т.е. в товарах, обладающих меновой стоимостью» [3, С. 188].

Марксистский дискурс приводит два рода утверждения о господстве абстракций над человеком – в первом случае, это касается моральной оценки и негативной природы определенных абстрактных вещей, вроде денег, которые извращают природу человека; во втором, это господство объективное, связанное с продуктами труда рабочего, которые от него отчуждаются на товарно-капиталистическом производстве. При этом забывается, что капиталист также в процессе производства отчуждает свой капитал, включая его в игру спроса и предложения, свои средства производства; рабочий же (впрочем, как и капиталист, поскольку его статус не закреплен сословно), за отсутствием законодательных ограничений по типу сословных, имеет право выбора – продать свою рабочую силу работодателю, представляющему фабричное производство, инновационно-технологическое предприятие или мобильное, сезонное производство определенного вида товара, либо и вовсе приобрести средства производства и стать независимым рыночным производителем.

Когда категория отчуждения приобретает столь общий статус, становится сложно говорить на ее языке о частностях. Отчуждение одной переменной в уравнении имело бы смысл, однако констатация отчуждения всего уравнения переводится на язык формальной логики, теряя связь с логикой неформальной, социальной. Относительно же языка диалектики, как мы могли убедиться, ничего определенного вообще сказать невозможно – нужна конкретная ситуация и конкретная операционалистская интерпретация, дающая смысл частностям. Проблема в том, что в нормативной социальной реальности, актанты апеллируют лишь к частностям.

Примечательно то, что во всех указанных случаях отчуждение продукта труда от рабочего хоть и нормативно-предполагается, но все же не является самоочевидным – для этого необходимо каждый раз учитывать структуру и состав капитала, условия и цели его фигурирования на рынке товаров, политику его обладателя, которая, подчас, обладает более серьезной основательностью в достижении цели, чем степень его стремления к извлечению прибыли.

Противоречие закона стоимости возникает и с ожиданиями от исторического изменения и перерастания капиталистической формации в социалистическую, поскольку любое производство и отчуждение индивида связаны, а человек – это всегда сознательная деятельность, или «производство».

Поразительным образом, если присмотреться, историческая роль техники у М. Хайдеггера в мире экзистенциально-онтологическом соответствует тем же интерпретациям мира социально-экономического с позиции закона стоимости. Однако, при этом, немецкий экзистенциалист пришел к совершенно иным, нежели Гегель и К. Маркс, выводам.

Диктат технологического производства М. Хайдеггер принимал в качестве тезиса, как судьбу. Здесь он вводит термин «постав», как некий «вызов, который сосредотачивает человека на поставлении всего, что выходит из потаенности, в качестве состоящего-в-наличии» [5, С. 229].

Судьба человечества – постав, как определенный способ производяще-добывающего раскрытия потаенности. Этому раскрытию подвергается все сущее, включая человека. Человеческая история – история поставы, который формирует человеческое сознание, производство, технику и, как следствие, ее исторический диктат.

Состоящая-в-наличии действительность обесценивается в той мере, в которой она раскрыта человеческим потребностям и поставлена на обслуживание их интересам. В этом и состоит опасность раскрытия. «Коль скоро непотаенное захватывает человека даже и не как объект, пред-стоящий человеку, а уже исключительно как состоящее-в-наличии, человек среди распространившегося материала становится просто представителем этой наличности – он ходит по крайней кромке пропасти, а именно того падения, когда он сам себя будет воспринимать уже просто как нечто состоящее в наличии» [5, С. 233].

М. Хайдеггер опосредует становление и деятельность человека не телеологией некой реальности, исторически predetermined и довлеющей над ним, но самим человеческим действием, его ответственностью. Кроме того, именно историко-диалектический дискурс становится самой что ни на есть техникой, поставом, стремящимся уничтожить, по выражению Л. Дюмона, любые условности, через обращение к идее и ценности «с целью обозначить, оценить и ввести некую среднюю огрубленную характеристику жизни».

Диалектика и отчуждение, таким образом, должны основываться на расширении и привлечении новых теоретических посредников, укреплении обратной связи с самими актантами, их нормативными суждениями и убеждениями – даже в случае обращении к логике, как артикуляции общих категориальных форм. Акторно-сетевое восприятие и объяснение социальных процессов и противоречий сегодня обладает большей легитимностью в сравнении с крупными метафизическими системами и метанарративами, абсолютизирующими одни аспекты реальности и игнорирующими другие.

1. Глухов А. А. Политический смысл диалектики // Вестник РХГА, 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 19 – 28.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. изд. 2. – М.: Издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – С. 7 – 544.
3. Дюмон Л. Homo Aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии / Под общ. ред. канд. пол. н. В. И. Даниленко. – М.: NOTA BENE, 2000. – 239 с.
4. Бём-Баверк О. Критика теории Маркса / Сост. А. В. Куряев. – М., Челябинск: Социум, 2002. – 283 с.
5. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – С. 221 – 238.

Токарев Д.А.

Атрибутивность гедонистического варианта страдания

*Омский институт водного транспорта – филиал ФГБОУ ВО «СГУВТ»
(Россия, Омск)*

doi:10.18411/spc-01-10-2018-04

idsp: 000001:spc-01-10-2018-04

Abstract

Man is suffering from the point of view of different philosophy ages is considered in this article. The description for features of hedonistic version of the reasons, manifestations and possibilities of suffering overcoming is given. The negative sides of hedonistic approach to suffering are defined.

И страдания и удовольствия изменяют жизнь в каком-либо направлении. Большие изменения причиняют нам страдания и удовольствия, умеренные же и незначительные совсем не доставляют ни того, ни другого. Последнее – большая редкость. И жизнь человека в основном состоит из смены страданий и удовольствий. Гедонизм не видит глубину человеческого переживания, а лишь констатирует постоянную смену удовольствий и страданий, якобы и определяющую сущность человека.

Величайший философ древности Платон писал о том, что в жизни все должны избегать неумеренных страданий и удовольствий и всегда придерживаться середины. Смертная природа человека всегда будет увлекать его к корысти и служению своим личным интересам, безрассудно избегая страданий и стремясь к удовольствиям, она поставит их выше того, что более справедливо и лучше. «Каждый имеет в себе удовольствие и страдание. Мы предпочтем такую жизнь, в которой в больших количествах и в сильной степени присутствуют и удовольствия, и страдания, но удовольствий больше и они более сильные. Все, что мы производим и приобретаем, служит нам либо для созидания чего-либо, либо для защиты от страданий. А из того, что защищает нас от страданий, одни вещи служат противоядиями – божественными и человеческими, другие – средства защиты», читаем у Платона. Платон утверждает, что страдание производное от удовольствия, т.к. стремление к удовольствию всегда приносит страдание. Происходит это от невозможности испытывать удовольствие постоянно или долго, оттого, что за удовольствия всегда приходится платить страданиями.

Ещё один величайший представитель древней философии Аристотель считает, что отсутствие страдания уже само по себе есть удовольствие. «Удовольствие противостоит страданию и отсутствию страдания так же, как большее противостоит меньшему и равному...», читаем мы у Аристотеля. Страдание может притупить восприятие чего-либо приятного, тогда как удовольствие изгоняет страдание. При этом, по мнению Аристотеля, не важно противоположно ли оно как раз данному страданию или это первое попавшееся удовольствие, будь оно только достаточно сильным. Аристотель считает, что страдание – нехватка чего-то природного, а удовольствие – его восполнение. К примеру, почувствовав сначала нехватку пищи и, испытав из-за этого страдание, люди получают удовольствие от восприятия.

Одной из важнейших добродетелей Аристотель считает мужество. Определяя мужество в отношении к страданию, боли и удовольствию, Аристотель называет мужественным того, кто стойко переносит страдания: «мужество сопряжено со страданиями и ему по праву воздают хвалу; в самом деле, переносить страдания тяжелей, чем воздерживаться от удовольствий». Мужественный человек не ищет страданий и ран, которые причиняют ему душевную и физическую боль, но и не избегает их. Страдания и удовольствия, возникающие при общении, по мнению Аристотеля, связаны с таким душевным складом как дружелюбие. Дружелюбный человек будет стараться не доставлять страданий или доставлять удовольствие. Предпочтение он отдает доставлению удовольствия, но, принимая во внимание нравственную красоту и пользу. Таким образом, ради большего удовольствия впоследствии он заставит немного пострадать.

Проблематику удовольствий и страданий в рамках выделенного гедонистического варианта рассматривает и Эпикур. «При выборе удовольствий и избежание страданий всегда нужно иметь в виду не только настоящее, но и будущее, т.е. последствия удовлетворения сегодня желаний, перспективу получения большего удовольствия. Более того, выбор должен диктоваться не только настоящим и будущим, но и прошлым, т.е. накопленным опытом.... Лучше вытерпеть некоторые страдания, чтобы насладиться большими удовольствиями; полезно воздержаться от некоторых удовольствий, чтобы не терпеть более тяжких страданий». Эпикур считал, что нет

необходимости в освобождении от всякой восприимчивости к страданию и наслаждению. Напротив, достаточно подвергнуть потребности и жизнь такой регулировке, чтобы по возможности избегать внутренних и внешних поводов к болезненному возбуждению.

Люди, по Эпикуру, всегда ожидают или воображают какое-то вечное страдание, как оно описано в мифах, может быть, боясь и самого бесчувствия в смерти, как будто оно, и сеет отношение к ним. «Глуп тот, кто говорит, что он боится смерти не потому, что она причинит страдание, когда придет, но потому, что она причиняет страдание тем, что придет: ведь если что не тревожит присутствия, то напрасно печалиться, когда оно только ожидается. Таким образом, самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как когда мы существуем, смерть еще не присутствует; а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем».

Для Эпикура духовные удовольствия и страдания гораздо более важными, чем телесные. На тело действуют лишь наличные в данный момент наслаждения и страдания, на душу же действуют также прошедшие и будущие. Тягчайшие страдания длятся недолго и быстро полагают конец нашей жизни, а менее интенсивные выносимы и могут быть преодолены более сильными духовными наслаждениями. Зависимость от факта скорой смерти делает человека, в особенности в древности, гедонистически настроенным. Еще бы, ведь надо успеть получить от жизни все и сразу. Наслаждение, в надежде ухода от любого страдания, становится определяющим фактором жизни. Зачем много думать о грехах, о проблемах, о возможной другой жизни, когда есть мгновение на Земле и его надо прожить в удовольствии.

Спустя многие сотни лет Ницше полагает, что все наши поступки мотивированы «инстинктом самосохранения» или, «еще точнее, стремлением к удовольствию и к предупреждению страданий индивида». Причинение страданий само по себе «не существует». Злые поступки направлены не на страдание другого человека, а на «наше собственное наслаждение, например, наслаждение чувством мести или сильным нервным возбуждением». Само же по себе удовольствие не дурно и не хорошо. Но ведь получение удовольствия от причиненного страдания мы считаем злом. И дело здесь вовсе не в морали, считает Ницше. «Только из соображений пользы, т.е. имея в виду последствия, возможное страдание, когда можно ожидать кары или мести от потерпевшего или замещающего его государства», человек воздерживается от подобных удовольствий.

Будучи противником христианства, Ницше провозглашает опорой «героический пессимизм» и культ «сверхчеловека». Философия Ницше – это философия героизма. Страдающий человек, по Ницше, в сострадании другим людям ищет возможности для собственного подъема, ведь у него еще осталась одна сила – причинять боль, и он чувствует себя все еще достаточно значительным, чтобы причинять миру страдания. Ницше является гедонистом по отношению к страданию, ведь действия человека, направленные на причинение страданий другим, он считает причиняющими «злое удовольствие» этому человеку, а желание получить удовольствие для человека, всегда сопряжено с преодолением страданий. Жизненный смысл страдания в преодолении сострадания к другим, в стремлении к удовольствию.

К теориям античности, к науке о сексе, противопоставив им эротизм и перенося удовольствие в сферу дискурса, обратился Мишель Фуко, легендарный мыслитель XX века. Аннексия секса в поле рациональности на Западе поставила нас под знак логики вождения и желания. Моралисты сделали из человека детище секса – в форме советов и рекомендаций специалистов, своеобразной техники управления жизнью. Удовольствие, в том числе и сексуальное, порождает страдание, т.к. человек все время стремится к насыщению, но не может насытиться, а еще происходит пресыщение, следствием которого может являться угасание желания и новое страдание. Человек ушел в себя и в свои желания, которые все больше не сочетаются с желаниями других

людей. Появилось так называемое удовлетворительное одиночество. Страдание возникает при переборе желаемых объектов и при невозможности насыщения сексуального желания при наличии огромного количества объектов. Возникает постоянное ощущение, что ты чего-то не получил или возможно получил не то, что хотелось бы. От этой проблемы все больше возникает оторванность от мира и уход в себя.

Жизнь, с гедонистической точки зрения, постоянно действующий вулкан с попеременно вырывающейся энергией страдания и удовольствия. Атрибутивность страдания по отношению к жизни и имманентный взгляд человека на мир не дают освобождения от страдания в течение жизни, не позволяют нам расширить свой взгляд на многоликий мир, а главное превращают жизнь человека в бесполезный период от рождения до смерти.

Эстетические моменты в гедонизме преобладают над этическими принципами. Человек существует вне божественной определенности, или скрывается за эстетикой религиозности, а не следует религиозной морали. Внешний лоск и иллюстративность гедонизма не в состоянии противостоять страданию, т.к. получая удовольствия, человек создает иллюзию полноты жизни, вселяющей в него жизненный ложный оптимизм.

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. [Текст]. Т. 2. Софист. – М.: Мысль, 1993. – С. 395.
2. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах [Текст]. Т.4. Никомахова этика. – М.: Мысль, 1984. – С. 114, 215.
3. Материалисты Древней Греции [Текст]. – М.: Политическая литература, 1955. – С. 144., 208
4. Ницше, Ф. Собрание сочинений в 2 т. [Текст] Т.2. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – С. 80, 83, 84.
5. Фуко, М. История сексуальности: в 2т. [Текст]. Т.1. Воля к знанию / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1996. – С. 171.

Устименко Д.Л.

**Проблема когнитивности в современном информационном контексте:
феноменологический ракурс**

СКФ МТУСИ

doi:10.18411/spc-01-10-2018-05

idsp: 000001:spc-01-10-2018-05

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы когнитивности и аксиологичности сознания в усвоении прогрессирующего мира информации.

Ключевые слова: человек, сознание, мир информации, цельность

Современная цивилизация прогрессивна. Человека завораживает техническая оснащенность жизни, скорость передвижения материальных и информационных объектов, цифровая искусность в удовлетворении самых изысканных эстетических потребностей. Неявственно для воли и сознания, но тотально и всецело, человек проникается специфически господствующими формами и способами миропонимания. Это – чувственно ориентированные, десакрализованные, эгоцентричные и прагматические способы [1, стр. 43]. Естественной мировоззренческой предпосылкой вырабатываемых взглядов является признание, что мир – материален, что сущность человека – натуральна, что психика и сознание есть «высшие» функции физической природы. Пользуясь предданной и все более увеличивающейся информацией как средством, человек погружается в вещный мир, «проговаривает» и «обсуждает» внутримирские проблемы. При этом для него остается совершенно непроявленным

существенный для его когнитивной жизни собственно мир информации, непосредственно «присутствующий» и «мыслимый» в актах сознания.

Вопреки «само собой разумеющемуся» смыслу и ценностной направленности «цивилизованного» существования, подлинная жизнь разворачивается внутри многосложных переплетений и свершений смысловпереживаний сознания, которое усваивает и «перерабатывает» мир информации, мотивируя и определяя многие парадоксы и коллизии, уклоняя человека от его пути. «Главная причина заблуждения человека заключается в том, что он не знает, что любит и чего хочет» [2, 100].

Нужно иметь ввиду, что сам по себе «внешний» природный мир нейтрален и молчалив и только сознание обладает «одушевляющей» силой. Только оно причастно истинному бытию. Оно, чудесно фундированное в теле, но сущностно от него отличное, в качестве абсолютного, свободного и открытого источника смыслонаделения единственно самоявлено – самопроживается изнутри рефлексивных актов самосознания. Любая предметность есть лишь коррелят действий сознания, которое «предполагает», «оценивает», «мыслит», «сомневается», «испытывает», «судит», «истолковывает», «желает», «воспринимает», «принимает» или «отвергает» и т.д. И не просто сознание осуществляет «понимание» и то, что мыслит, доводит в том или ином модусе до очевидности, «наполняет» полагаемые значения из «внешних» и собственных смысловых и образных горизонтов. Сознание интенционально «конкретно», есть по существу «сознание о», сознание какой-либо информации.

Мир информации, образуя непосредственную сферу сознания, сущностно сопряжен с возможностями сознания. Мир информации и сознание образуют абсолютное единство: фундаментальным условием возможности и развития первого служит то, что второе является его «творцом» и «носителем». Мир информации, а это вся совокупность знания (смыслов, ценностей, представлений, истин, норм, отношений, понятий и т.п.), выраженных в символах и языке и отпечатленных в бумажных и электронных формах, в своей степени и масштабе «подразумевается» каждым индивидуальным сознанием. Любое сознание любого человека актуально «схватывает» и «впитывает» весь собственно порождаемый и социально предлагаемый объем информации и, через собственные синтетические и временные структуры, «откладывает» в более отдаленные слои мышления, абсолютно созидая уникальный мир личностного мировоззрения. «Получаемая» информация «оседает», но не исчезает, а сущностно конституирует непосредственно сущий «фон», определяет своего рода хабитус человека, специфически воздействующий на все актуальные оценки сознания. Этот хабитус – набор смысловых тенденций – может быть рационально (интуитивно) вскрыт и аналитически истолкован. Информационное формирование сознательного хабитуса – процесс настолько быстрый, осуществляется с такой скоростью, что многое из воспринятого и пережитого остается далеко не «воспринятым», не «осмысленным» и не «пережитым».

Возможности сознания безграничны и мир информации, особенно в современную информационную эпоху, бездонен. На уровне формы, как видно, между ними нет противоречия. Открытый в начале XX в. эмпириокритицистами закон «экономии мышления» снимает проблему «перегрузки» сознания. Скорее напротив, сознание современного человека все более мельчает и опустошается. Наплыв информации не страхует от необходимости тяжелого вдумчивого размышления, от обращения к собственной мыслительной активности. Сознание, думается, сотворено не механическим средством расчета, воспроизводства или просмотра, а целью и алтарем, где должен гореть огонь разума «информации».

Недостаток философического пафоса остро «чувствуется» каждым, только пустота заполняется легкими и мнимыми способами [3, 95]. Рост информации создает иллюзию широты и разнообразия форм знания, который рассеивает, раздробляет традиционное единство мировосприятия и – специализирует человека, сужает его

жизненный и познавательный горизонт. Кроме того, информация не усваивается: в США, например, в 2001 г. 95% ее объема оставалось на бумаге и лишь 1% - в электронном виде. Это приводит к тому, что уже произведенные и опубликованные открытия, похоронены в недрах библиотек, где их невозможно обнаружить. Мы не знаем, что мы знаем. Каждая десятая научно- исследовательская работа бесполезна, поскольку она была уже выполнена. Возникает проблема «бумажного загрязнения среды». В этом плане действенны новые компьютерные и электронные технологии, обрабатывающие полезную информацию и влияющие на качество современного производства.

Так и человеку надлежит сознательно из многообразия информации принимать важное и душеполезное: в отличие от производственных задач его выбор обладает смысложизненной важностью и принципиальной значимостью.

Само сознание не пусто и формально, а «информационно» ценностно, нравственно и бытийно-иерархично и, что существенно, не составляет всего человека. Человек есть еще существо чувствующее и верующее и так или иначе, в той или иной степени цельности сознания принадлежащее высшему онтологическому порядку, носящее истинную любовь своего сердца, и, порой в тайне от самого себя, всецело проникнутое убеждением религиозных начал своей национальной культуры. И тогда на уровне жизненных содержаний существует противоречие, «разрыв» между тем, какую информацию глубинно таят в себе таинники сознания («внутреннего человека»), и тем, какую информацию и в каком объеме этот человек реально избирает и осуществляет. Противоречие тем сильнее, чем обе стороны «информации» – внутренняя и внешняя, идеальная и реальная – явственней сознаются в живом опыте человека. И тем слабее – чем «информационный опыт» ценностно однороден.

Как видно, определяемый бытийным уложением возможностей сознания, внутри «сознания информации» наличен сущностный и неискоренимый конфликт. Информация не «нейтральна» – она может разрушить человека, если относиться к ее выбору легкомысленно.

1. Думнова Э. М. Проблема формирования идентичности сквозь призму постмодернистской парадигмы // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2018. № 41
2. Киреевский И.В. Разум на пути к Истине. М., «Правило веры», 2002
3. Меренков А. В., Гурарий А. Д. Изменение ценности гуманитарного образования в современном мире // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. Т. 12, №3/167, 2017

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ

Мальчук О.И.

Мероприятия по обороне Приамурского края в начале 20 в.

ОИОиЗОИУИС САПЗ НИИ ФСИН России

doi:10.18411/spc-01-10-2018-06

idsp: 000001:spc-01-10-2018-06

Мероприятия по обороне Приамурского края обсуждались на четырех Советах государственной обороны в феврале 1907 г. На заседании 5 марта были подведены итоги. Начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын считал, что все полевые войска Приамурского военного округа следует «сосредоточить в Южно-Уссурийском крае и поставить им задачу: воспрепятствовать противнику, утвердиться в этом крае и не допустить или замедлить действия противников с суши против крепости Владивостока». Для обороны низовье Амура и его течения Палицын предлагал полевых войск не назначать. Рассматривался также вопрос об укреплении Николаевска-на-Амуре и создании Амурской речной флотилии. Причем и на этот раз Генеральный штаб считал, что русские войска на Дальнем Востоке могут придерживаться лишь оборонительной тактики. Несмотря на это, намеченные мероприятия по укреплению военных сил России на Дальнем Востоке требовали громадных затрат в несколько сот миллионов рублей.

Кроме укрепления вооруженных сил, начальник Генштаба на заседании Совета государственной обороны 5 марта 1907 г. предложил ряд других мер, которые, с точки зрения Генштаба, должны были укрепить положение России на Дальнем Востоке. В том числе предлагалось:

- «выяснить наши отношения к Китаю и стремиться к установлению их на твердых и доброжелательных началах»;
- «всеми средствами стремиться к развитию наших торговых отношений и связей с Монголией и к упрочению этим путем нашего влияния в этой стране, важное значение которого вытекает из ее флангового положения относительно Иркутского округа и из богатств ее скотом»;
- энергичнее осуществлять переселение на Дальний Восток;
- содействовать быстрейшему экономическому развитию областей Сибири, расположенных вдоль железнодорожных линий.

Были приняты меры по скорейшему переселению на Дальний Восток крестьян из Европейской России. С этой целью переселение в Приморский край разрешалось без предварительной посылки ходок. В марте 1906 г. было принято постановление, по которому «в особо уважительных случаях» перевоз переселенцев на Дальний Восток мог осуществляться за счет казны, а ссуда «домообзаводство» повышалась со 165 руб. до 200 руб. на семейство. Однако суммы, отпускавшиеся на переселение, были недостаточными и не приносили должного эффекта. В это же время началось создание Амурской речной флотилии и строительство Амурской железной дороги, но большая часть намечавшихся военно-оборонительных мероприятий осталась на бумаге, а осуществление других затянулось на много лет.

В 1906 г. при Совете государственной обороны было создано Особое совещание по вопросу о создании Амурской речной флотилии организации обороны низовьев

Амура под председательством генерал-адъютанта И.М. Дикова. Считалось, что оборона бассейна Амура сухопутными войсками потребует больших средств, кроме того, сосредоточение значительных сил русской армии на левобережье Амура могло вызвать осложнения во взаимоотношениях с Китаем и Японией. Поэтому Совет государственной обороны принял решение к навигации 1907 г. создать на Амуре речную военную флотилию из 10 канонерских лодок, а к навигации 1909 г. закончить создание всей флотилии верхнего и среднего Амура. Для этой цели отпускалось 18 млн. руб.

Вопрос о формировании Амурской военной флотилии был поставлен еще в 1902 г. приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым. Особая комиссия при Генштабе к концу 1903 г. утвердила типы речных военных судов для Амура, заказ на сооружение которых был передан Сормовскому заводу. Летом 1906 г. на Волге состоялось испытание предназначенных для Амура канонерских лодок. Кроме того, бронированные канонерские лодки для Амура были построены на Балтийском военном заводе, а посыльные катера – на Путиловском. К концу 1910 г. было истрачено 16,7 млн. руб. Однако обычная междуведомственная неразбериха, плохая организация постройки судов на заводах привели к тому, что и в 1910 г. формирование флотилии не было завершено.

В июле 1910 г. Совет министров обсуждал вопрос о выделении дополнительных средств для Амурской флотилии. На заседании выяснилось, что как военных, так и морской министры отказываются принять в свое ведение флотилию после завершения ее формирования. В связи с этим государственный контролер П.А. Харитонов поставил вопрос о «целесообразности дальнейших значительных затрат» на ее организацию.

На соответствующий вопрос председателя Совета министров Столыпина морской министр С.А. Воеводский ответил, что флотилия может быть полезна для обороны летом, а зимой она окажется в очень опасном положении, так как ее базы у Хабаровска и Благовещенска были «лишены каких-либо укрытий». Военный министр В.А. Сухомлинов высказался за сохранение флотилии. Но на этот раз ни один из министров не соглашался принять Амурскую военную флотилию в свое ведение. В итоге она была подчинена командующему войсками Приамурского военного округа.

При строительстве Сибирской железной дороги первоначально планировали провести ее восточную часть от Забайкалья до Хабаровска по левому берегу Амура. Но в 1896 г. в связи со строительством КВЖД от этого варианта отказались. Китайско-Восточная железная дорога, проведенная по территории Китая, соединила кратчайшим путем Забайкалье с Владивостоком. В конце 1890-х гг. была завершена постройка Уссурийской железной дороги от Владивостока до Хабаровска. После русско-японской войны Япония, укрепившись в Южной Манчжурии и Северной Корее, сравнительно легко могла занять участок КВЖД и перерезать сухопутную связь Владивостока и Хабаровска с Россией, так как речной путь от Сретенска (где оканчивалась Забайкальская железная дорога) до Хабаровска, который шел по Шилке и Амуру, действовал только в период навигации. Совет государственной обороны и военное министерство настаивали на скорейшем сооружении железной дороги от Сретенска до Хабаровска по левобережью Амура, доказывая, что без этого невозможна оборона русских дальневосточных владений в случае военного выступления Японии.

Идею постройки Амурской железной дороги активно поддерживали сибирская и дальневосточная буржуазия, надеявшаяся получить прибыль от поставок и подрядов, а также от расширения торговых операций. Представители торгово-промышленных

кругов русского Дальнего Востока доказывали, что сооружение Амурской магистрали даст возможность оживить Приамурский край, который «захирел» после постройки КВЖД, так как все то небольшое, чем он располагал в смысле капитала, предприимчивости и даже рабочих рук – покинуло его и «перекочевало к югу». Здесь же указывалось, что постройка железной дороги даст возможность остановить японскую экспансию на русском побережье Тихого океана. Вопрос о постройке Амурской железной дороги много раз обсуждался в правительственных учреждениях, в прессе, на различных собраниях и совещаниях. Были предложены различные варианты направления дороги, выявилось несколько подрядчиков, готовых взять на себя подряд на строительство в случае, если дело окажется доходным.

13 июля 1906 г. состоялось решение Совета министров, по которому было отпущено 700 тыс. руб. для «производства изысканий» на трассе будущей железной дороги между Сретенском и Хабаровском. В журнале заседания Совета министров Николай II написал: «Настоятельно необходимо скорее приступить к сооружению Амурской железной дороги». Межведомственная комиссия, рассматривавшая вопросы, связанные со строительством дороги, рекомендовала, с целью сокращения расходов, строить ее «по кратчайшему» расстоянию между Сретенском и Хабаровском и одновременно с основной магистралью построить ветку к Благовещенску. Из стратегических соображений рекомендовалось проложить линию железнодорожной магистрали так, чтобы она проходила не ближе 15 верст от берега Амура, но и не далее 150 верст от него.

Межведомственная комиссия также решила построить в первую очередь участок железной дороги в 360 верст от Сретенска, расположенного на Шилке, до станции Покровской на Амуре, для того чтобы получить железнодорожную связь с амурским водным путем. Что касается второго участка в 1300 верст от Покровской до Хабаровска, то комиссия считала невозможным построить его за государственный счет, так как требовались большие затраты – около 130 млн. руб., что, по мнению министра финансов Коковцова, «было бы в настоящее время совершенно непосильно для государственного казначейства».

Решение межведомственной комиссии не удовлетворило генералов, добивавшихся быстрее решения вопроса о строительстве всей Амурской магистрали. Командующий войсками Приамурского военного округа Унтербергер подал в высшие правительственные инстанции доклад «О необходимости безотлагательной постройки Амурской железной дороги». В докладе он в мрачных тонах рисовал военное положение России на Дальнем Востоке, указывая на рост вооруженных сил Японии и ее агрессивные замыслы. «Цель Японии в предстоящую войну, – писал Унтербергер, – отбросить Россию от берегов Тихого океана и, став прочной ногой во Владивостоке и Николаевске, овладеть обширной береговой полосой от северной границы Кореи до берегов Ледовитого океана». Унтербергер требовал немедленно приступить к строительству железной дороги. «Всякое промедление с нашей стороны, – полагал он, – равносильно сознательному отказу от наших обширных владений на берегах Тихого океана».

Военный министр А.Ф. Редигер поддержал Унтербергера. В письме Столыпину Редигер, что «потребность в названной ж.д. линии настолько настоятельна, что потеря для ее сооружения и одного года весьма опасна, и за естественное стремление сберечь при сооружении линии миллионы – можно будет поплатиться потерей миллиардов и

даже всего Приморского края». Начальник Генштаба Палицын в письме Извольскому также указывал, что обстановка на Дальнем Востоке является «слишком грозной».

1. Жигалов Б.С. Вопрос о строительстве Амурской железной дороги в дальневосточной политике царизма (1906–1908 гг.) // Сборник научных работ кафедр всеобщей истории и истории СССР. Труды Томского университета. Т. 150. Томск, 1961. С. 31–32.
2. Крайнова В.И. Русско-американские отношения на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 16–17.
3. О необходимости сооружения железной дороги в Приамурском крае. СПб., 1906. С. 12.
4. Предварительный проект Амурской ж.д. барона фон Розенберга. СПб., 1905; Субботин Д.И. Амурская железная дорога и наша политика на Дальнем Востоке. СПб., 1908.
5. Чой Доккю. Морское министерство и политика России на Дальнем Востоке (1895–1906 гг.) // Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов: Ежегодник [1997]. СПб., 1997. С. 58.
6. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол, д. 754, л. 27.
7. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол, д. 754, л. 28.
8. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол, д. 754, л. 3.
9. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол, д. 754, л. 10.
10. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол, д. 754, л. 69.
11. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол, д. 470, л. 98.
12. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол, д. 470, л. 106–107.
13. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол, д. 470, л. 76–78.
14. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол, д. 470, л. 109.
15. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол, д. 470, л. 75.
16. РГИА. Ф. 1276, оп. 3, д. 889, л. 4.

Ползикова Т.А.

**Опыт формирования общественного мнения по вопросам
Второй Индокитайской войны (1965–1973 гг.): по материалам
Курской областной организации общества «Знание»**

*ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
(Россия, Курск)*

doi:10.18411/spc-01-10-2018-07

idsp: 000001:spc-01-10-2018-07

Процесс формирования общественного мнения через средства массовой информации в современной системе международных отношений выступает одним из важнейших факторов, влияющих на внешнеполитическую ситуацию в мире в целом. Понятие «информационная война» уже давно вошло в употребление многих СМИ. Приемы влияния на мнение граждан активно начали использоваться в XX веке в контексте идеологического противостояния двух систем. Во время Второй Индокитайской войны советское и американское руководство применяли механизмы воздействия на население для создания нужной оценки действий правительственных кругов посредством использования телевидения и радио, публикаций в СМИ, периодики общественных организаций. Методика, успешно зарекомендовавшая себя в XX в., продолжает активно использоваться в нынешних реалиях, приобретая все новые формы и виды манипуляции общественным мнением. В этой связи обращение к истории войны во Вьетнаме (1965–1973 гг.) представляется весьма полезным с точки зрения выявления особенностей механизмов, позволяющих формировать в массовом сознании критерии оценок деятельности политических элит.

В данной статье предпринята попытка на примере деятельности Курской областной организации общества «Знание» проанализировать основные механизмы формирования общественного мнения жителей г. Курска и Курской области по вопросу отношения к событиям Второй Индокитайской войны и формы подачи информации специалистами в области истории и международных отношений.

В отечественной историографии проблемы формирования общественного мнения в контексте политики «холодной войны» представлены в исследованиях ученых-историков, социологов, политологов. О влиянии общественного мнения на международные процессы писали Г.И. Вайнштейн [11], В.В. Журкин [14], Д.А. Волкогонов [12], А.А. Бицадзе [10], П.Л. Карабущенко, Е.Е. Рябцева [16] и др. Вопросы идеологии в своих трудах затрагивали Д.В. Петров [24], Г. Каде [15], Ю.Б. Кашлев [17], Н.М. Кейзеров, Е.А. Ножин [18], Л.Н. Доброхотов и В.С. Комаровский [13], А.И. Костин [23], К.З. Алимов [9]. Мы же рассмотрим эти проблемы с точки зрения возникновения и развития Вьетнамского конфликта, через деятельность провинциальных лекторов-пропагандистов.

В отечественной историографии Вьетнамская война 1965-1973 гг. в освещении членов Общества «Знание», а именно Курского отделения, рассматривалась в ряде публикаций И.А. Коноровой [19, 20, 21, 22]. Ею был проведен анализ тематики публичных лекций, посвященных проблемам Вьетнама, а также представлена серия интервью с ветеранами вооруженного конфликта.

Анализ публичных лекций членов Общества «Знание» по вопросу Вьетнамской войны (1965-1973 гг.) на сегодняшний день интересен с точки зрения практической возможности использования опыта общественных лекций как в академической среде, так и среди широкого круга слушателей.

Правительство СССР широко использовало средства информирования населения о событиях в государстве и за рубежом, для чего была организована подписка на периодические издания, создавались тематические лекторские группы. В 1947 году в СССР было учреждено Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний, членами которого стали самые видные деятели науки и искусства. Одним из инициаторов его создания стал С.И. Вавилов, президент АН СССР. Просветительская деятельность членов организации была направлена, в первую очередь, на поддержание восстановления разрушенного войной государства. Это время совпало с колоссальным прорывом в области естествознания, а, соответственно, и возросшим к нему интересом. Постепенно члены Общества начали освещать и другие темы, включая проблемы истории и современное международное положение.

Массовый характер организации (более 5 млн человек в период расцвета (1950-е – 1970-е гг.)) обеспечил ее влияние на различные слои населения страны. Формами популяризации политических знаний стали лекции на заводах и фабриках, публичные выступления в учебных заведениях. В обеденные перерывы лекторы затрагивали самые острые и злободневные проблемы из жизни общества. Их авторитет (чаще всего, лекторы – партийные работники, ученые и самые яркие представители культурной интеллигенции), четкое построение излагаемого материала, отточенное мастерство выступлений превратили представителей общества «Знание» в один из самых мощных и надежных способов формирования общественного мнения в СССР. Тематика выступлений охватывала все сферы: от внутренне- и внешнеполитической обстановки до достижений в сельском хозяйстве и спорте. В областные организации из Московского отделения направлялись брошюры с методическими рекомендациями, а на особо «острые» темы готовые тексты лекций, которые с незначительными изменениями преподносились публике.

С 1948 года в г. Курске осуществляет свою деятельность региональное отделение организации «Знание». За годы существования его председателями были ректоры Курского Государственного Педагогического Института И.Я. Климов, П.И. Кабанов, Б.П. Гоголев, личности, имевшие прямое отношение к научной жизни всего региона.

В конце 1950-х гг. в Юго-Восточной Азии разгорелся военный конфликт, получивший в историографии название Вторая Индокитайская война. Начиная с 1965 года столкновения на территории Южного Вьетнама переросли в полномасштабные боевые действия. Возросший интерес США к региону способствовал активному включению СССР в политические процессы в Азии с целью распространения на этой территории идей социализма. Руководство СССР приняло решение об оказании помощи народу Вьетнама в борьбе с американской агрессией.

Советское руководство начало кампанию в СМИ Советского Союза, в кругах научной элиты и среди населения в целях объяснения поддержки внешней политики СССР в регионе Юго-Восточной Азии. Реалии «холодной войны» усиливали идеологическое противостояние в регионе и, конечно, давали широкое поле для ведения информационных атак. Большую роль в этом сыграла лекторская и просветительская деятельность (наряду с прессой и телевизионными сюжетами), в том числе членов общества «Знание».

Члены Курского отделения «Знание» практически одновременно с развитием событий в Тонкинском заливе в августе 1964 года, который стал началом военного вторжения США на территорию страны, обратились в своих выступлениях к ситуации во Вьетнаме. Тогда, как считали некоторые специалисты, даже «... самым ослепленным ненавистью к освободительному движению слугам американского империализма становится ясно, что война в Южном Вьетнаме проиграна...» [1, Л. 319]

Автор международного обзора, призванного стать пособием для других лекторов, Б.В. Федотов, заявляя о прямом вмешательстве США в события в Южном Вьетнаме, обвинял их в развязывании гражданской войны. Называя проамериканское правительство «антинародным», а войну – «грязной», Б.В. Федотов однозначно встает на сторону «патриотов страны», против которых и ведется та самая «грязная война» [1, Л. 317]. Патриотами в данном случае назывались сторонники коммунистических идей.

Необходимо отметить, что на всем протяжении Вьетнамской войны лекторы общества «Знание» использовали определенные устоявшиеся клише, касающиеся действий США. Это оказывало сильное влияние на слушателей. Собравшиеся, будь то труженики села или студенты, должны были представить «зверские средства ведения войны» [1, Л. 317], которые использовали «американские империалисты» [1, Л. 317]. Сравнение с концентрационными лагерями «стратегических деревень» в Южном Вьетнаме [1, Л. 318], создаваемых Соединенными Штатами, когда были еще свежи воспоминания об ужасах Великой Отечественной войны, стало мощным оружием в руках лекторов-пропагандистов. Это вызывало неприязнь к действиям американского правительства, формировало, напротив, положительный образ вьетнамцев, сражавшихся за освобождение своей страны.

Б.В. Федотов в своих выступлениях отмечал, что в августе 1964 года (когда до общепринятой большинством историков даты начала открытого военного столкновения оставалось еще несколько месяцев), на территории Южного Вьетнама настоящая война уже велась. Он приводил статистику «побед» народа Вьетнама [1, Л. 318]. Противопоставляя действиям США политику руководства СССР, подчеркивалось, что СССР выступал за соблюдение Женевских соглашений 1954 года, тогда как США нарушали их, вмешиваясь во внутренние дела суверенного государства.

Насколько возможно судить из анализа текста лекции, руководство СССР не предполагало, что гражданская война в небольшой азиатской стране станет предпосылкой для столкновения интересов двух сверхдержав. Но уже к декабрю 1965 г. в отчете о лекторской работе Общества особо рассматривался вопрос о наращивании агрессии со стороны США по отношению к Вьетнаму. Наблюдался рост

международной напряженности [2, Л. 16]. Еще в начале года было запланировано освещение событий в Юго-Восточной Азии в первом квартале 1965 г. [3, Л. 9] Для этого централизованно разрабатывались и раздавались лекторам-международникам утвержденные тексты лекций [3, Л. 75]. Интерес к ситуации во Вьетнаме объяснялся расширением политических контактов двух стран, за чем последовала серия мероприятий по моральной поддержке дружественного народа в его борьбе, не заставляла себя ждать и экономическая помощь.

Тексты лекций по международному обозрению готовили члены лекторской группы Обкома КПСС. Уже к январю 1965 г. был подготовлен материал, где наряду с другими темами международной проблематики уделялось внимание событиям в Юго-Восточной Азии. Поскольку официальная позиция должна была быть доведена до массового слушателя, именно лектор становился источником информации и способствовал формированию общественного мнения граждан Советского Союза [8, Л. 22]. Чем грамотнее и эмоциональнее было построено выступление, тем более сильный и продолжительный эффект оно оказывало на присутствующих.

Тем не менее, не только имеющаяся в распоряжении лекторов информация определяла содержание выступления. Большое значение имела личная позиция. Так, лекторы В. Мальцев и А. Киселев, обходя начало конфликта в Тонкинском заливе, обращали внимание исключительно на бомбардировки территории ДРВ со стороны Соединенных Штатов [4, Л. 24]. На наш взгляд, здесь можно заметить такой прием как замалчивание отдельных фактов, который часто применяется для формирования нужной оценки событий, выгодной какой-либо стороне. Речь не идет об искажении информации, а только лишь о подаче ее «под нужным углом». Советские граждане должны были быть уверены, что только американцы являются инициаторами столкновений во Вьетнаме, а северо-вьетнамские отряды партизан защищают свою свободу и независимость.

Характеризуя внешнеполитическую ситуацию, лекторы обращали внимание и на внутривнутриполитические процессы в странах-участницах событий на территории Вьетнама. Особое внимание уделялось президентской гонке в США. Не обошлось без упоминания соперника Л. Джонсона на пост президента США, Барри Голдуотера, названного «американским бешеным» (прим. вероятно, сторонником ультраправых сил) [4, Л. 24]. И в связи с его смелым предложением использовать атомное оружие против Демократической Республики Вьетнам, лекторы В. Мальцев и А. Киселев пытались объяснить причины назревшего конфликта: «Новым «парадом» своей военной мощи США хотели запугать всех тех, кто борется за свое национально-освободительное движение или за укрепление уже завоеванной независимости» [4, Л. 24]. В этом случае США не просто агрессоры, они представлялись «душителями свободы» и «угнетателями народов».

Особенно отмечалось, что сами американцы осознавали невозможность урегулирования конфликта военным путем. Раздавались голоса, призывавшие к разрешению ситуации путем мирных переговоров (как подчеркивали лекторы, известный общественный деятель Мартин Лютер Кинг, к примеру, выступал за прекращение войны). Отмечалось, что сторонники эскалации военных действий, напротив, предлагали увеличивать военный контингент. При этом даже союзники США, по утверждению лекторов, не одобряли такой политики. Важно было показать раскол в западном обществе, отсутствие единства мнений в противовес сплоченности советских граждан и всего социалистического лагеря в оценках событий. Подтверждением сплоченности и поддержки вьетнамского народа стала поездка А.Н.

Косыгина, Председателя Совета Министров СССР, во Вьетнам в феврале 1965 года, секретаря ЦК КПСС А.Н. Шелепина в 1966 г.

На лекциях подчеркивалось, что против американской военной мощи выступал объединенный народ Вьетнама. Не возникало сомнений, что «повстанческие силы неуклонно растут» и «все более приближаются к Сайгону» [4, Л. 25]. Лекторы сообщали, что в считанные месяцы партизанские отряды вьетнамцев одолеют профессиональную армию, несмотря на плохое вооружение. В качестве доказательств приводились сведения о массовых случаях дезертирства вьетнамских отрядов, сражавшихся на стороне США, и трудности ведения партизанской войны, в ходе которой США несли большие потери.

Так представлялась картина начала войны во Вьетнаме для советских граждан. С этого момента и вплоть до окончания военных действий практически ни один обзор не обходился без обращения к проблемам Вьетнама. Особый интерес общественности к происходившему наблюдался в 1965 - 1966 гг. – на этот период и приходится основной массив имеющихся материалов.

Лекторы в своих выступлениях, характеризуя начало новой локальной войны, рассказывали о варварских методах, к которым прибегали США в своих попытках сломить сопротивление вьетнамцев: «Американские империалисты против мирного населения Южного Вьетнама применяют напалмовые бомбы, газы и отравляющие вещества, на что в свое время не решились пойти нацисты» [4, Л. 209]. Такие сравнения часто использовались в выступлениях лекторов «Знания», что находило отклик у слушателей, которые помнили ужасы Великой Отечественной войны.

Приводилась информация о численности американских сухопутных и морских войск, что особо подчеркивало ту мощь, которая сконцентрировалась против поначалу разрозненных партизанских отрядов и подразделений Армии Освобождения Вьетнама. Приводились факты, что было выставлено 650 самолетов и 150 боевых кораблей армии Соединенных Штатов против плохо вооруженных вьетнамцев уже к сентябрю 1965 года. Использовались кассетные бомбы, самолеты-драконы и винтовки М16 с запасов в 580 пуль. И в этой ситуации правительство США делало заявление, что для победы над партизанскими отрядами им нужны силы, превосходящие их численностью в 10 раз [4, Л. 209]!

Лекторы приводили примеры безрассудства и неоправданной жестокости: «В припадке дикой ярости и злобы перед неизбежным поражением, американские «бешеные» подвергают варварским бомбардировкам города и села, больницы и школы, санатории и детские сады...» [4, Л. 210]. Им противостояли вооруженные силы Национального Фронта Освобождения Южного Вьетнама, который СССР признавал единственно законным правительством страны.

Важно было показать, что несмотря на налеты авиации и операции пехоты, США не смогли приблизиться к победе. Этому свидетельство массовое дезертирство сайгонских войск, падение общего морального духа армии, потеря контроля над большей частью территории Вьетнама с населением в 10 млн человек.

В ходе выступлений лекторы, в частности, отмечали, что СССР оказывал помощь братскому народу Вьетнама. Эти сведения обязательно должны были быть представлены в лекционном материале. Благодаря грамотной информационной политике мнение граждан Советского Союза ни разу на протяжении конфликта не шло в разрез с официальной политикой правительства. Население одобряло деятельность на дипломатическом уровне, оказание военной и экономической помощи «героическому народу Вьетнама» [4, Л. 216], за что, как отмечали лекторы, правящие круги Демократической Республики Вьетнам неоднократно благодарили советский народ [4,

Л. 213]. Тогда каждый слушатель лекции ощущал себя сопричастным к такому благородному и важному делу – делу помощи ближнему по духу и убеждениям Вьетнаму.

С позиции сегодняшнего дня можно утверждать, что в данном локальном конфликте СССР выступал в качестве защитника независимости, территориальной целостности небольшого государства, стремящегося к обретению собственной государственности. Большое внимание уделялось информированию о поддержке Вьетнама со стороны общественности стран социализма.

И позже руководство могло с уверенностью заявлять, что «советская молодежь требует прекращения агрессии США против Демократической Республики Вьетнам» [5, Л. 165]. В подтверждение блестящей работы СМИ по формированию общественного мнения хочется привести выдержки из рассказа о приезде в СССР представителя Вьетнама Хо Чука, «прибывшего из самой горячей точки планеты», зачитанного в выступлении лекторской группы общества «Знание»: «Делегаты стоя приветствовали его – долго и бурно», «...затем подняли Хо Чука и на руках пронесли по залу. Крепкие руки советских парней! Единодушие зала!» [5, Л. 165]

Собравшимся на лекторий зачитывались письма жителей многих стран с обращениями о прекращении войны во Вьетнаме. Приводили высказывание крупных общественных деятелей, рассказывали об акциях, проводимых в поддержку освободительного движения, которые проходили во Франции, Великобритании, Индии. Советские граждане знали о тяготах войны в джунглях, о массовых эвакуациях жителей городов, об уничтожении жизненно важных магистралей, посевах и отравлении водоемов.

«США не удалось и никогда не удастся сломить боевой дух вьетнамского народа», - так начинались и завершались многие выступления лекторов «Знание» [4, Л. 253]. «Советский Союз свято выполняет свой интернациональный долг», - утверждали с трибун выступающие [4, Л. 256].

В сентябре 1965 года было опубликовано пособие в помощь лекторам, пропагандистам и докладчикам «Американский империализм – главная сила агрессии и войны». НМС по пропаганде вопросов международных отношений в 1966 г. выпустил серию лекций, где затрагивались вопросы «постыдной войны против вьетнамского народа»: Борьба вьетнамского народа против агрессии американского империализма, Военные блоки США – очаги агрессии и военной опасности, Внешнеполитический курс США – курс преступных авантур и агрессии, Злодеяния американской армии во Вьетнаме, Грязная война американских агрессоров против вьетнамского народа, Советский Союз в борьбе за прекращение агрессии США против вьетнамского народа и др. [22, Л. 149]

В 1966 г., когда интерес к проблеме Вьетнама в советском обществе был наиболее высок, с лекторских трибун звучали громкие и резкие осуждения политики Соединенных Штатов: «Налицо большая война в маленькой стране. В ней участвуют более 1 млн человек. Вьетнам – это Сталинград 1966 года. Вьетнам стал проблемой всего человечества» [6, Л. 102].

Особенностью лекционной деятельности «Знания» было то, что слушатели могли задавать вопросы по прочитанному материалу. Приведем несколько примеров вопросов, которые волновали курян:

- Какое влияние имело бы присутствие наших войск на Вьетнамскую войну в целом? Мог ли вьетнамский конфликт между СССР и США привести к серьезным последствиям, и даже к Мировой войне? [7, Л. 59]

- Возможно ли рассчитывать на успех вьетнамского народа? Не может ли эта война перейти в Мировую? [7, Л. 62]

Постановка вопросов свидетельствовала о беспокойстве, которое вызывали у граждан события во Вьетнаме.

Но уже с 1967г. лекторы реже обращались к ситуации в Юго-Восточном регионе. Война во Вьетнаме упоминалась в связи с конфликтами в Лаосе и Камбодже только в 1968-1969гг. Это не означало, что в политике СССР по отношению к Вьетнаму наметились перемены. Руководство страны по-прежнему продолжало оказывать помощь ДРВ, население реагировало на последние новости «с фронтов» войны. Не было необходимости снова пересказывать материал о варварских методах ведения военной кампании, тех условий, в которых приходилось сражаться отрядам Армии Освобождения. У советских граждан уже сложилось мнение по поводу причин и хода Второй Индокитайской войны, участия СССР в этих событиях и оценок всего с точки зрения интернационального долга.

Материалы за период 1971-1975 гг., к сожалению, не сохранились. Мы не можем, зная, какие тексты рекомендовали для выступлений по данной тематике. Тем не менее, информация из СМИ отражала позицию советского народа, наглядно свидетельствуя о поддержке гражданами СССР вьетнамского народа в его борьбе за свободу.

Результатами работы СМИ, лекторской пропаганды можно считать то, что в СССР тысячи жителей были готовы «встать, если потребуется, плечом к плечу с вьетнамскими братьями на защиту священных прав народа» [5, Л. 165]. Колоссальная моральная поддержка, которую стремились оказать советские граждане далекому в географическом отношении народу, была абсолютно искренней. Единый порыв, что объединил огромную страну, сыграл немаловажную роль в победе Вьетнама во Второй Индокитайской войне. И можно по-разному относиться к вопросам пропаганды, формирования мнения общественности «сверху», но в вопросе Вьетнамского конфликта это мнение помогло «мужественному вьетнамскому народу» выстоять против агрессии США.

1. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 132
2. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 143
3. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 151
4. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 160
5. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 170
6. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 171
7. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 190
8. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 281
9. Алимов К.З. Идеологические установки внешней политики США и международное право. Ташкент.: Фан. 1998 г. 275 с.
10. Бицадзе А.А. Агрессия США во Вьетнаме и американская буржуазная пресса. М.: Наука. 1998 г. 133 с.
11. Вайнштейн Г.И. Роль массовых средств информации в формировании общественного мнения США по вьетнамской проблеме. Кандидатская диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва. 1971 г.
12. Волкогонов Д.А. Психологическая война. Подрывные действия империализма в области общественного сознания. М.: Воениздат. 1983 г. 288 с.
13. Доброхотов Л.Н., Комаровский В.С. Идеологическое противоборство. М.: Сов. Россия. 1988 г. 224 с.
14. Журкин В.В. Роль общественных сил в разрешении международных конфликтов. М.: Наука. 1976 г.
15. Каде Г. Миф о «советской угрозе» / Пер. с нем. Бужинской И.В., Дегтярева И.Г. М.: Прогресс. 1981г. 208 с.
16. Карабущенко П.Л., Рябцева Е.Е. Элита и общественность США: мнения и предпочтения. Астрахань.: Изд. АГТУ. 2002 г. 240 с.
17. Кашлев Ю.Б. Идеологическая борьба или психологическая война? М.: Политиздат. 1985 г. 191 с.

18. Кейзеров Н.М., Ножин Е.А. Идеологическая борьба: вопросы и ответы. М.: Политиздат. 1987 г. 256 с.
19. Конорева И.А. Из истории «холодной войны»: идеологическое противостояние США и СССР по проблемам Индокитая в 1954-1975 гг. Курск. Изд-во КГУ. 2004 г. 208 с.
20. Конорева И.А. Общественное мнение СССР по проблемам войны в Индокитае (60-е гг. XX в.) // Проблемы преподавания и изучения истории зарубежных стран. Вып. 4. Курск. 2004 г. С. 79-92
21. Конорева И.А. Формирование общественного мнения Курской области по вопросам войны в Индокитае (по архивным документам областной организации общества «Знание») // Проблемы преподавания и изучения истории зарубежных стран. Вып. 4. Курск. 2004 г. С. 93-100
22. Конорева И.А. Страны Индокитая в системе идеологического противостояния США и СССР в годы «холодной войны» 1954-1975. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность – 07.00.03. Курск. 2003 г. 290 с.
23. Костин А.И. Глобальные проблемы современности и идеологическая борьба. М.: Изд. МГУ. 1989 г. 256 с.
24. Петров Д.В. «Американизм»: Идеологический ракурс. Исследование классовых функций идеологической стратегии США (60-70-е годы). М.: Мысль. 1980 г. 166 с.

РАЗДЕЛ III. ПОЛИТОЛОГИЯ

Зыков А.А.

Реализация политики трансграничного сотрудничества на Дальнем Востоке России

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi:10.18411/spc-01-10-2018-08

idsp: 000001:spc-01-10-2018-08

Конец первого десятилетия XXI века обозначился новым витком глобальной трансформации мировой системы общественно-политических отношений. Процесс перестройки фундаментальных основ миросистемы стал очевиден с вступлением в силу глобального экономического кризиса 2008 года, который повлек обострение противоречий постсоветского миропорядка.

На протяжении 20 лет осколки советской автаркии встраивались в однополярный строй интенсивных глобальных политико-экономических связей и их региональных ответвлений. Изменению баланса отношений между центром и регионами страны еще в 1990-х гг. сделали возможным взаимодействие акторов политических отношений сразу на двух уровнях: с иностранными и внутренними партнерами. Международные трансграничные контакты российских регионов сыграли свою роль в ликвидации старой одиозной модели федерализма (советского типа), которая на практике была основана на едва прикрытых принципах унитаризма и централизма. По всему периметру российских границ оживлённо набирало темпы приграничное взаимодействие. Увеличение открытостью привело к тому, что приграничные (и не только) субъекты Российской Федерации стали получать импульсы экономического и культурного развития от соседних государств. В качестве ответной меры федеральное руководство России с 2000-х годов стало продвигало политику консолидации государства и восстановления его административного потенциала, утверждение моноцентрического политического режима, снижение дифференциации и фрагментации. Активное вхождение в систему международных связей, или интеграция «снизу», имело характер эволюционного процесса с заранее непредсказуемыми результатами, рост глобальной взаимозависимости помимо относительных выгод несет в себе уязвимость перед глобальными рисками.

Посткризисный период характеризовался неравномерностью мирового развития, ужесточением глобальной конкуренции и соперничества за ресурсы. Эта неустойчивость политического и экономического развития стала благодатной почвой для созревания в 2014 году конфликтов экономического, геополитического и этнического характера вокруг ситуации с Украиной и противостояния стран Запада с Россией. Под влиянием международной среды продолжают преобразования российской политической системы с целью внутривнутриполитической стабилизации и преодоления процессов децентрализации, определила усиление контроля над международной деятельностью регионов.

Изменение структуры доходов страны, вследствие снижения стоимости на нефть и нефтепродукты, а также введение в отношении России ограничительных мер со стороны США и их союзников, повлияло на характер системы государственного управления. Особое значение приобрела политика по углублению интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), в том числе в интересах стимулирования развития Сибири и Дальнего Востока. Эта политика выразилась в разработке и реализации федеральных целевых программ социально-экономического развития

дальневосточных территорий, проведение саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 году, механизмов территорий опережающего развития и Свободного порта, организации ежегодных Восточных экономических форумов и других инновационных инициативах.

Новые процессы и порождаемые ими проблемы, а также опыт их преодоления, обусловили актуальность исследования трансграничного сотрудничества в системе политических отношений России (на примере дальневосточного приграничья).

В докризисный период глобальный тренд расширения политико-экономических интересов субнациональных акторов за пределы государственных границ способствовал становлению такого явления как «трансграничное сотрудничество». Не завершив своей институализации (особенно за пределами Европы) трансграничное сотрудничество под действием динамики общественного развития наполняется смыслами и значениями соответствующими новым социально-политическим реалиям.

Особенности развития системы политических отношений и государственного управления России в 2006 – 2012 гг. привели к кардинальному изменению структуры региональной политики на Дальнем Востоке России и соответствующего сектора приграничного сотрудничества. За счет серии мер направленных на придание цивилизованных форм приграничной торговле были ограничены представители малого бизнеса и самозанятого населения. Предпринимаются попытки ограничить представителей среднего бизнеса работающих в сфере сырьевых отраслей экономики. В современных условиях ставка делается на крупные компании (корпорации), привлечение иностранных инвестиций, государственные вложения и реализацию крупных проектов. Это направление преобразований поддерживается руководством страны исходя из политических соображений государственной стабильности и повышения конкурентоспособности России в мировой экономике.

Дальний Восток стал позиционироваться как ключевое звено интеграционных процессов всей страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Динамично развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион демонстрирует, особенно в последние годы, высокие темпы роста национальных экономик, входящих в него государств. За 20 лет, при приросте всемирного валового продукта на 82%, экономики государств Европейского Союза приросли только на 45%. Экономики АТР обеспечили прирост совокупного валового внутреннего продукта на 121%. Российская Федерация продемонстрировала достаточно скромные показатели – 12% [1, С.30].

Долгосрочный тренд подтверждает тенденцию стран АТР к укреплению экономического лидерства (и потенциально политического) в мировой системе. Российское руководство, на самом высоком уровне, воспринимая указанный тренд как данность.

Учитывая намерение использовать взаимодействие с азиатскими соседями как рычаг развития всей страны, то вполне закономерно был сделан вывод, что политико-экономическая среда Азиатско-Тихоокеанского региона не позволяет расширять межрегиональное сотрудничество силами муниципальных властей и населения приграничных территорий. Поэтому основной силой развития трансграничного сотрудничества являются государство. Без поддержки федерального центра и финансово-организационных возможностей корпораций дальневосточные субъекты РФ не в состоянии добиться качественного прорыва в политико-экономическом развитии. Перспективным инструментом финансирования инвестиционных проектов является получение государственной федеральной поддержки в форме субсидий на возмещение затрат на создание инфраструктуры индустриальных парков и технопарков.

Презентация новых условий развития экономики на этих мероприятиях, таких как Восточный экономический форум, формируют привлекательный для зарубежных инвесторов образ Дальнего Востока. И Владивосток вполне успешно справляется с ролью площадки для международных коммуникаций, на которой Россия, в лице властей и бизнеса всех уровней, продвигает свои геоэкономические и геополитические

проекты вовне, формирует благоприятную среду. Но после 2012 года с каждым годом у потенциальных инвесторов и экспертов растет ожидание экономического роста дальневосточного макрорегиона, результатов промышленно-экономического развития стимулирующего интенсивность трансграничного сотрудничества. До сих пор принимаемые усилия носят «выставочный» характер, когда огромные средства расходуются на мегапроекты, не приводящие к расширению внутреннего спроса. Потенциальных иностранных инвесторов отпугивает излишняя масштабность проекта при фактическом отсутствии соответствующих рынков сбыта [2]. Эффект мультипликатора от ТОРов и режима свободного порта пока не сработал, своей выгоды не увидели ни местное сообщество, ни представители малого и среднего бизнеса.

Диктуемые федеральной властью условия накладывают определенные ограничения на зарубежных бизнес партнеров и внешнеэкономическую деятельность среднего (и конечно) малого бизнеса. С другой стороны у ТОРов и свободного порта Владивосток есть неоспоримое преимущество в виде предоставления инвесторам гарантии (на государственном уровне) возврата вложенных средств. Так же важно, что российские власти осознали что прорыв и «экономическое чудо» в регионе не появится одномоментно и прежде зарубежных партнеров необходимо добиться доверия отечественных инвесторов. Тем более что в Азии никто не работает быстро, а путь к принятию конкретных бизнес-решений может занимать годы.

1. Ишаев В.И. Дальневосточный вектор России. – СПб.: СПбУУЭ, 2012. – 76 с.
2. Эксперты Приморья по инвестициям просят у власти конкретики по ТОРу «Надеждинская» [Электронный ресурс] / ИА PrimaMedia. Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/economics/20.03.2015/427603/eksperti-primorya-po-investitsiyam-prosyat-u-vlasti-konkretiki-po-toru-nadezhd.html>. (Дата обращения: 01.06.2016 г.)

Крутько А.А.

Сравнительный анализ внешнеполитических подходов США и России к современному миропорядку

*Киргизско-Российский Славянский университет
(Киргизская Республика, Бишкек)*

doi:10.18411/spc-01-10-2018-09

ids: 000001:spc-01-10-2018-09

Аннотация

Трансформация системы международных отношений, переход к принципу многоцентричности вызывает повышенный научный интерес и многочисленные дискуссии ученых и практических политиков. Целью данной статьи является рассмотрение актуальных теоретических конструктов и внешнеполитических подходов США и России к пониманию мирового порядка. В частности, проанализированы стратегии национальной безопасности США 2002, 2006, 2010, 2015 и 2017 гг., концепции внешней политики России 2000, 2008, 2013, 2016 гг., а также политические заявления лидеров этих государств по вопросам миропорядка.

Ключевые слова: мировой порядок; однополярная, биполярная, многополярная модели мироустройства; центры силы; многоцентричный мир; стратегия национальной безопасности США; концепция внешней политики России; принципы международного права.

Abstract

Transformation of the system of international relations, the transition to the principle of multicentricity causes increased scientific interest and numerous discussions of scientists

and practical politicians. The purpose of this article is to consider the actual theoretical constructs and foreign policy approaches of the US and Russia to an understanding of the world order. In particular, the US National Security Strategies 2002, 2006, 2010, 2015 and 2017, the Concept of Russia's Foreign Policy 2000, 2008, 2013, 2016, as well as the political statements of the leaders of these states on the issues of the world order have been analyzed.

Keywords: world order; unipolar, bipolar, multipolar models of the world order; centers of power; multi-centered world; US national security strategy; concept of Russia's foreign policy; principles of international law.

Введение

Заслуга введения понятия «мировой порядок» в научный лексикон принадлежит западным политологам, в частности, одному из создателей английской школы теории международных отношений Х. Буллу, который в 1977 г. предложил следующее определение: «Под международным (мировым) порядком понимается характер (состояние) или направление внешней активности, обеспечивающей неизбежность тех целей сообщества государств, которые являются для него, с одной стороны, элементарно необходимыми, с другой – жизненно важными, с третьей – общими для всех» [1].

Известный американский ученый Р. Гилпин в 1981 г. уточнил, что системный порядок в международных отношениях определяется, прежде всего, наличием свода правил поведения, и именно смена этих правил может характеризовать смену одного порядка другим [2]. В 1990-е гг. известность приобрела концепция другого американского ученого, Л. Миллера, главным признаком международного порядка он назвал присутствие в мировой системе единого основополагающего принципа, которым сознательно или стихийно руководствуются государства [3]. В этом же духе определял политический порядок профессор политики и международных отношений в Принстонском и Джорджтаунском университетах Дж. Айкенберри: «...это базовое согласие (arrangement) между группой государств относительно их руководящих правил, принципов и институтов» [4, с. 45].

В российской политологии понятие «мировой порядок» первыми подвергли фундаментальному анализу Э. Я. Баталов и А. Д. Богатуров [5; 6]. Обзор различных подходов к интерпретации понятия «мировой порядок» содержится и во многих других, изданных позднее, российских аналитических публикациях и монографиях, авторы которых сходятся в том, что, «согласно условно расширительной интерпретации феномена, “мировой порядок” – это принципы, нормы и институты, регулирующие поведение международных акторов (государств, межгосударственных объединений, международных организаций, транснациональных корпораций и т. д.)» [7, с. 178].

Одним из постулатов теории мирового порядка является признание полюсной структуры мира. Как отмечает Э. Я. Баталов, «споры идут о том, будет ли последний “однополюсным”, “биполярным” или “многополюсным”. <...> “Полюсное” видение укоренилось в сознании аналитиков и политиков, включая российских, и постоянно воспроизводится как само собой разумеющееся в документах, фиксирующих состояние международных отношений» [5, с. 26]. Э. Я. Баталов считает этот постулат теоретически несостоятельным и политически нерелевантным и предлагает использовать более адекватную, с его точки зрения, концепцию центров силы, рассматривающую мировой порядок как моноцентричный или полицентричный, где центры военной силы могут не совпадать с центрами экономической силы и т. п. [5, с. 33].

По нашему мнению, в целях прикладного анализа и учитывая сложившуюся практику употребления рассматриваемых категорий, при характеристике мирового порядка целесообразно согласиться с отождествлением понятий «центр» и «полюс».

Так, президент РФ В. В. Путин, выступая на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 г., использовал именно такой подход: «Что же такое однополярный мир? Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. <...> Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном – именно в современном – мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации» [8].

Цель исследования

Целью настоящей работы является сравнительный анализ внешнеполитических документов США и России, концептуально опирающихся на принципиально различные модели мирового порядка.

Результаты и их обсуждение

После Второй мировой войны в США возобладали геополитические концепции Мэхэна-Маккиндера, в соответствии с которыми Америка, являясь «мировым островом», должна в интересах собственной безопасности установить контроль над «евроазиатским хартлэндом» [9].

После распада СССР, по мнению крупнейшего американского геополитика З. Бжезинского, «главный геополитический приз для Америки – Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство, и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте» [10, с. 43].

В Стратегии национальной безопасности, утвержденной президентом Дж. Бушем в сентябре 2002 г., было заявлено, что в условиях американского превосходства официальный Вашингтон ставит задачу обеспечить доминирование американских ценностей на международной арене: «Сегодня Соединенные Штаты обладают беспрецедентной военной мощью и огромным экономическим и политическим влиянием. <...> Мы стремимся к формированию баланса сил в интересах свободы человеческой личности: условий, при которых все нации и общества могли бы избрать для себя преимущества и вызовы политической и экономической свободы. <...> Мы распространим мир, поощряя свободные и открытые общества на каждом континенте» [11].

В Стратегии национальной безопасности 2006 г. США подтвердили свою готовность с помощью инструментов военного и «мягкого» присутствия насаждать демократические режимы: «Политика Соединенных Штатов состоит в том, чтобы помогать и поддерживать демократические движения в любой стране и культуре, с тем чтобы, в конце концов, покончить с тиранией в нашем мире. В сегодняшнем мире фундаментальный характер режимов значит не меньше, чем соотношение сил между ними. Целью нашей политики является помощь в сотворении мира демократических, хорошо управляемых государств, которые смогут удовлетворить потребности своих граждан и вести себя ответственно на международной арене. И это – лучший способ обеспечить прочную безопасность американского народа» [12].

Стратегия национальной безопасности США 2010 г., подготовленная администрацией Б. Обамы с целью «обеспечения безопасности граждан США», предусматривала поддержание военной мощи страны и сохранение «глобального лидерства», опираясь на военное присутствие в разных регионах мира, особый акцент делался на государства Ближнего Востока и Афганистан [13].

В феврале 2015 г. была опубликована обновленная Стратегия, в которой говорилось, что США будут стремиться к предотвращению международных конфликтов и для достижения этой цели намерены опираться на свою «дипломатию и лидерство, подкрепленные мощной военной силой» [14].

Политические итоги проводимой США политики на Балканах, в Ираке, Иране и Афганистане, «арабская весна» и «цветные революции» на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв. стали яркими примерами реализации идеи глобального лидерства и создания однополярного мира с помощью инструментов американского присутствия. «Анализ, проведенный экспертами различных стран мира, показывает, что реальные цели США и НАТО <...> заключаются в организации собственного военного, геостратегического, геополитического и геоэкономического плацдарма в центре Евразии, развертывании мощнейшей сети военных баз на территории Афганистана и всего Среднего Востока» [15].

Пришедший к власти в 2016 г. Д. Трамп остается в рамках парадигмы, основанной на признании доминирования американских интересов и обеспечения национальной безопасности США в качестве приоритетов внешней политики. Новая Стратегия национальной безопасности (2017) [16] также базируется на идее глобального лидерства США. Основными тезисами речи, посвященной новой стратегии, с которой Д. Трамп выступил 18 декабря 2017 г., были следующие:

- *Америка является одной из величайших сил мира и справедливости в истории человечества. С каждым новым решением, с каждым новым действием мы сегодня претворяем на практике принцип «Америка прежде всего». Нам требуется чрезвычайная военная мощь, которая, я надеюсь, приведет к прочному и длительному миру;*
- *Наши усилия по укреплению Североатлантического альянса создали условия для того, чтобы страны-члены существенно увеличили свои взносы в бюджет НАТО. Теперь в него поступают дополнительно десятки миллиардов долларов. Я не позволю, чтобы страны-члены увиливали от выделения средств, в то время как мы гарантируем им безопасность и готовы воевать за них;*
- *Наша новая стратегия основана на принципиальном реализме. Одной из основ этой стратегии является сохранение мира посредством силы. Нашу мощь и силу подкрепляют союзники, разделяющие наши принципы и берущие на себя свою долю ответственности за нашу коллективную безопасность. Наша стратегия нацелена на расширение американского влияния в мире [17].*

Следует согласиться с выводом российских исследователей В. В. Романова и И. В. Михайлова о том, что сравнительный анализ стратегий национальной безопасности США демонстрирует «константность многих американских подходов к теоретическому осмыслению современного миропорядка на протяжении последнего столетия» [18, с. 127].

Важнейшим инструментом внешней политики США, нацеленной на обеспечение глобального лидерства этого государства, является американское присутствие. Еще в Стратегии национальной безопасности 2002 г. было заявлено, что «присутствие американских сил за рубежом является одним из наиболее глубоких символов американских обязательств перед союзниками и друзьями. Проявляя готовность использовать силу для того, чтобы защитить нас и других, Соединенные Штаты демонстрируют свою решимость поддерживать соотношение сил в интересах свободы» [11].

В настоящее время американское присутствие по-прежнему обеспечивается, прежде всего, военным присутствием. Так, в 2018 г. военные ассигнования составили 677,1 млрд долларов, из которых 4,7 млрд долларов заложено на противодействие

России и наращивание американского военного присутствия вблизи ее границ [19]. 13 августа 2018 г. президент США Д. Трамп подписал оборонный бюджет страны на 2019 финансовый год в размере 716 млрд долларов. Из этой суммы на проведение военных операций за пределами страны выделяется 69 млрд долларов [20].

Президент США Д. Трамп 1 марта 2018 г. объявил, что в Афганистане «военный контингент в ближайшее время должен увеличиться с 8400 до 15 тысяч военнослужащих, прибудут также 26 тысяч бойцов-контрактников и 6 тысяч военных инструкторов» [21]. Глава центрального командования ВС США генерал Дж. Вотел подтвердил, что **«присутствие американских вооруженных сил в Сирии по-прежнему необходимо для того, чтобы стабилизировать обстановку в стране и освободить ее от террористов»** [22], а в конце апреля 2018 г. глава Пентагона Дж. Мэттис заявил о готовности американского руководства к переговорам по наращиванию своего военного присутствия и увеличению числа военных на территории Польши [23].

Американское присутствие также сохраняется в форме создания неправительственных организаций практически во всех странах мира. На сайте Национального фонда США в поддержку демократии (NED) размещено объявление о том, что Фонд «каждый год оказывает финансовое содействие сотням неправительственных организаций во всем мире, работающих во благо демократических целей и упрочения позиций демократических институтов. Сумма гранта зависит от размеров и объемов проекта, но средний грант предоставляется в сумме 50 000 долларов США на 12 месяцев» [24].

Конгресс США утвердил выделение на международные проекты в 2018 г. 5,4 млрд долларов. Выделяемые средства «могут быть направлены на финансирование программ по поддержке демократии в Российской Федерации, включая защиту свободы Интернета, а также на реализацию стратегии по поддержке демократии и законности». При этом нельзя реализовывать проекты «с участием российских государственных чиновников или финансовых организаций, принадлежащих российской стороне или контролируемых ею» [25].

Таким образом, несмотря на смену президентов США, внешнеполитический курс этой страны по-прежнему предполагает сохранение модели однополярного мира под лозунгом «Америка на первом месте. В любом решении, касающемся торговли, налогов, иммиграции, внешней политики» [26].

Принципиально иной подход к миропорядку у Российской Федерации. В Концепции внешней политики РФ, принятой в 2016 г., заявлено, что «внешнеполитическая деятельность государства направлена на упрочение позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира» [27].

Напомним, что впервые на международном уровне об исчезновении биполярной системы и формировании многополярного мира было заявлено в Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка. В этом документе был поставлен вопрос: в каком международном порядке будут жить люди в следующем столетии? Для ответа на него стороны призвали «все страны развернуть активный диалог по вопросу о строительстве мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного порядка» и подтвердили, что они «в духе партнерских отношений будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка» [28].

Принципами создания нового международного порядка, по мнению сторон, должны стать: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование и другие общепризнанные принципы международного права. Особо было подчеркнуто, что «ни одна страна не должна

стремиться к гегемонии, проводить политику с позиции силы и монополизировать международные дела. Стороны полагают, что отказ от дискриминационной политики и практики в экономических отношениях, укрепление и расширение на равноправной и взаимовыгодной основе торгово-экономических, научно-технических и гуманитарных обменов и сотрудничества будут способствовать совместному развитию и процветанию» [28].

Через два года, в 1999 г., Россия предложила модель многополярного мироустройства в документе «Концепция мира в XXI веке», представленном на 54-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Тогда министр иностранных дел России И. С. Иванов заявил, что Россия, «в полной мере осознавая свою особую роль и ответственность мировой державы и постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций за развитие мировых процессов, выступает за утверждение многополярного мира, построенного на прочной основе международного права» [29].

«Концепция мира в XXI веке» исходила из того, что существуют три базовых элемента новой системы мироустройства. Основное звено будущей системы многополярного мира – Организация Объединенных Наций, являющаяся уникальным и во многом безальтернативным механизмом регулирования всей системы международных отношений, единственная международная структура, способная взять на себя роль гаранта всемирной стратегической стабильности. Вторым элементом выступает разветвленная сеть региональных организаций и объединений, активно взаимодействующих с ООН в деле обеспечения региональной стабильности. Третьим базовым элементом новой системы мироустройства призваны быть двусторонние отношения между государствами. Разумеется, эту роль они способны сыграть лишь в том случае, если универсальным принципом двусторонних отношений будет их строгое соответствие международному праву: уважение суверенного равенства государств, их территориальной целостности, неприкосновенности границ, неприменение силы или угрозы силой, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела, соблюдение прав человека [30]. Впоследствии принципиальные положения Концепции нашли отражение в Декларации тысячелетия ООН, принятой на заседании Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке [31].

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. Россия заявила об ориентации на построение модели многополюсного миропорядка. В редакциях Концепции внешней политики России (2000, 2008, 2013, 2016 гг.) эта установка подтверждается: Россия в силу своего географического положения должна оставаться великой державой в контексте многополярного мира. Ее миссия в мире состоит в укреплении институтов международного права, налаживании равноправного диалога между центрами многополюсного мира, сохранении роли и авторитета таких институтов, как ООН (2000) [32];

обеспечение безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, в наибольшей мере отвечающих интересам Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира и необходимых для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала (2008) [33];

существо переходного периода, который переживают международные отношения, заключается в формировании полицентричной международной системы; возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике продолжают сокращаться и происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион. При этом выход на авансцену мировой политики и экономики новых игроков на фоне стремления западных государств сохранить свои привычные позиции

сопряжен с усилением глобальной конкуренции, что проявляется в нарастании нестабильности в международных отношениях (2013) [34];

борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития. В результате процесса глобализации складываются новые центры экономического и политического влияния. Приоритетами России в решении глобальных проблем выступают: формирование справедливого и устойчивого мироустройства; верховенство права в международных отношениях; укрепление международной безопасности; международное экономическое и экологическое сотрудничество; международное гуманитарное сотрудничество и права человека (2016) [27].

Заключение

Проведенный анализ показывает, что понятие «мировой порядок» относится к наиболее эффективным исследовательским инструментам современной политической науки, позволяющим раскрыть мотивацию деятельности основных внешнеполитических акторов, в число которых входят современные государства, глобальные и региональные межгосударственные объединения. В частности, он подтверждает, что США осуществляют внешнюю политику, призванную обеспечить сохранение моноцентричного мирового порядка и американское мировое лидерство, а внешняя политика России ориентирована на построение новой полицентричной модели мироустройства. Уверенности в правильности выбранного курса придает осознание того, что «взгляды России на то, как и на каких основах должен базироваться современный миропорядок, разделяют наши союзники по ОДКБ, партнеры по СНГ, БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества. Это, мы с вами понимаем, большая часть населения планеты» [35].

1. Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. 3rd ed. Columbia Univ. Press, 2002.
2. Gilpin R. War and Change in World Politics. New York, 1981.
3. Miller L. Global Order: Values and Power in International Politics. Boulder, 1994.
4. Ikenberry G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraints, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton, 2001.
5. Баталов Э. Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25–37.
6. Богатуров А. Д. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. № 1. С. 6–23.
7. Сирота Н. М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29).
8. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007) // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
9. Андрианова Т. В. Геополитические теории XX века: Социально-философское исследование. М.: Директ-Медиа, 2014.
10. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998.
11. The National Security Strategy of the United States of America. 2002 // URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/>
12. The National Security Strategy of the United States of America. March 2006 // URL: <https://www.state.gov/documents/organization/64884.pdf>
13. The National Security Strategy of the United States of America. May 2010 // URL: nssarchive.us/NSSR/2010.pdf
14. National Security Strategy. February 2015 // URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf
15. Пангиреева З. Д., Каирбекова Р. Р. Особенности внешней политики США на современном этапе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: Сб. ст. по мат-лам XII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2012.

16. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
17. Речь Трампа о безопасности: Америка – прежде всего (19.12.2017) // URL: <https://inosmi.ru/politic/20171219/241045134.html>
18. Романов В. В., Михайлов И. В. Вильсонизм как внешнеполитическая и правовая доктрина современных международных отношений // Правовые доктрины современности / Под общ. ред. Р. В. Пузикова, А. Б. Бекмагамбетова. Костанай: New Line Media, 2018.
19. Тканова М., Шляхтунов А. Проект военного бюджета США на 2018 финансовый год // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 11.
20. Трамп подписал оборонный бюджет США на \$716 млрд (13 августа 2018) // URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/08/2018/5b71de1f9a794779859b2ce4>
21. США срочно увеличивают свой контингент в Афганистане (01.03.2018) // URL: <https://rg.ru/2018/03/01/ssha-srochno-uvlechivaiut-svoj-kontingent-v-afganistane.html>
22. Командование сил США подтвердило необходимость присутствия в Сирии (4 апреля 2018) // URL: <https://xn--b1aga5aadd.xn--p1ai/2018/>
23. США задумались над увеличением военного присутствия по соседству с Россией (28 апреля 2018) // URL: https://lenta.ru/news/2018/04/28/us_in_poland/
24. О программе финансирования NED // URL: <https://www.ned.org/apply-for-grant/ru/>
25. Госдеп, который платит: Какие зарубежные программы США намерены реализовать в 2018 году // URL: <https://russian.rt.com/world/article/410621-gosdep-zarubezhnye-programmy-ssha>
26. После вступления в должность президент США начал менять внешнюю политику, но допускает некоторые отходы от предвыборных обещаний // URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-foreign-policy/3733618.html>
27. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ В. В. Путина от 30 ноября 2016 г. № 640 // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news
28. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Принята в г. Москве 23.04.1997 // URL: <https://www.lawmix.ru/abro/6305>
29. Иванов И. С., министр иностранных дел России. Концепция мира в XXI веке (Выступление на 54-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 21 сентября 1999 г.) // Международная жизнь. № 10. 1999.
30. Иванов И. С. Внешняя политика России на рубеже XXI века: проблемы формирования, эволюции и преемственности // Иванов И. С. Внешняя политика России и мир. М.: РОССПЭН, 2000. С. 3–55.
31. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной ассамблеи от 8 сентября 2000 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
32. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ В. В. Путиным 28 июня 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России: В 4 т. 1991–2002. Т. 4 / Сост. Т. А. Шаклеина. М.: РОСПЭН, 2002. С. 109–121.
33. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ Д. А. Медведевым 12 июля 2008 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/2014108/shtml>
34. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. // URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/
35. Выступление Президента РФ В. В. Путина на совещании послов и постоянных представителей России в международных организациях и объединениях. 19 июля 2018 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/58037>

Научное издание

**Научный диалог:
Вопросы философии, социологии, истории, политологии**

Сборник научных трудов, по материалам
XIV международной научно-практической конференции
1 октября 2018 г.

SPLN 001-000001-0332-FF

Подписано в печать 07.10.2018. Тираж 400 экз.
Формат 60х84 1/16. Объем уч.-изд. л. 2,3
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович